

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МИР АМАТОРИО

И срезкубшмав

МАРИ МУР

Мир Аматорио

Мари Мур

Мир Аматорио. Исчезнувшая

«Автор»

2023

Мур М.

Мир Аматорио. Исчезнувшая / М. Мур — «Автор»,
2023 — (Мир Аматорио)

КИМБЕРЛИКэш Аматорио – друг моего детства. Раньше он сочинял для меня сказки. Однако мы выросли, и магия прошлого исчезла. Теперь Кэш высокомерный и наглый. Теперь он безумный и не знает границ. Мой отец не велит мне к нему приближаться. Но слишком поздно. Я нарушила запрет и увидела в Кэше сторону, которую он пытается ото всех скрыть. Но только не от меня. Я увидела, что он не тот монстр, каким хочет казаться. В то время, когда настоящий монстр совсем рядом. Он дышит в затылок и готов напасть в любую минуту. КЭШКимберли Эванс – милая и невинная. И она явно заслуживает того, чтобы стать моей очередной игрушкой. Но я не подозревал, что в моем темном сердце еще осталось что-то светлое к девочке, которая когда-то просила называть ее принцессой. Но в тот момент, когда я понял это, было слишком поздно. Я совершил ошибку, позволив хищнику напасть на мою принцессу. И цена моей ошибки оказалась непомерно высокой.

© Мур М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Плейлист	6
Пролог	7
Глава 1 «Мое возвращение»	9
Глава 2 «Запреты»	16
Глава 3 «Кошмар»	24
Глава 4 «Я никому не скажу»	31
Глава 5 «Еще одна встреча»	38
Глава 6 «Сделка»	43
Глава 7 «Ночные нарушители»	50
Глава 8 «Ты должен мне три ответа»	57
Глава 9 «А» значит Аматорио»	62
Глава 10 «Убирайся отсюда»	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мари Мур

Мир Аматорио. Исчезнувшая

*Тили-тили-бом
Закрой глаза скорее,
Кто-то ходит за окном,
И стучится в двери.
Тили-тили-бом.
Кричит ночная птица.
Он уже пробрался в дом.
К тем, кому не спится.
Тили-тили-бом.
Ты слышишь, кто-то рядом?
Притаился за углом,
И пронзает взглядом.
Тили-тили-бом.
Все скроет ночь немая.
За тобой крадется он,
И вот-вот поймают.*

Плейлист

Dangerous hands – Austin Giorgio
The death of peace of mind – Bad Omens
Only one king – Tommee Profit
You put a spell on me – Austin Giorgio
Born for this – The Score
Go fuck yourself – Two feet
Wicked Game – Daisy Gray
Welcome to the Fair – Willyecho

Пролог

Забавно наблюдать за своей прошлой жизнью после собственного исчезновения. Например, смотреть, как отец до сих пор надевает на себя маску траура и публично убивается горем. Или смеяться над тем, как подруги из кожи вон лезут, чтобы дать интервью в надежде засветиться в выпусках новостей. Или продолжать ненавидеть *его*. Того, из-за кого пришлось попроситься со всем, что было для меня дорого.

Думаете, последнее самое ужасное? Нет. Самое ужасное, что *он* не понесет наказания за то, что сделал со мной. Ему все сойдет с рук. *Он* закончит академию, поступит в один из университетов Лиги Плюща, займет место во главе семейной компании, уготованное для него с рождения. Наконец, *он* женится на той, которая нарожает ему детей. Таких же маленьких претенциозных монстров, как и он сам.

И вряд ли *он* вспомнит юную девушку, умоляющую его отпустить и не причинять боли.

Я закрываю фотографии тех, с кем была раньше связана, убираю планшет на шезлонг и подхожу к краю бассейна. В его темной водяной глади отражается звездное небо. По привычке я нахожу среди светил созвездие Феникса. Согласно легенде, эта птица возродилась из пепла. Она обладала способностью к самосожжению и уничтожала себя, чтобы одержать победу над смертью.

В какой-то степени мы с ней похожи. Мне тоже удалось победить смерть.

Ловко оттолкнувшись от керамического пола, я делаю прыжок и погружаюсь под воду. Выныриваю и откидываю голову, полностью расслабляясь. Сейчас мою кожу ласкает сохранивший тепло ночной южный ветер. Два года назад мое тело в изорванном платье погружалось во влажную холодную почву. Кажется, я до сих пор чувствую вкус земли в горле. Моя каждая клеточка ныла от боли и унижения.

Он издевался. Ломал. Терзал меня, как голодный стервятник, безжалостно отрывающий куски мяса. После него кровь покрывала мое лицо, руки, внутреннюю поверхность бедер. А потом он бросил умирать меня в лесу, надеясь, что мое тело не обнаружат.

Но я выжила. Мне чудом удалось вернуться домой. И по жестокой иронии меня добил тот, кого я называла отцом. Ему не была знакома жалость и милосердие. Он принял насилие надо мной, как позор. И предпочел смыть его ценой моего будущего.

Я считала, что выход есть всегда. Но впервые у меня не осталось выбора, кроме, как исчезнуть.

Я пропала. Мои поиски продолжались несколько месяцев. Меня искала полиция, подразделение К-9, специальные поисковые отряды. Мои фотографии распространялись по всем штатам и округам.

Меня так и не нашли. Из-за отсутствия улик выдвигались десятки теорий: убийство, кид-нэппинг, секс-рабство, продажа на органы. Однако никто не подозревал, что девушка, родившаяся в обеспеченной и влиятельной семье, исчезла по своей воле и желанию.

Где-то вдалеке раздаётся пение горлицы. Я вновь устремляю взгляд на небо, окрашенное розовыми рассветными полосами. Жалею ли я о том, что начала свою историю с чистого листа?

Пожалуй, нет.

Основную часть жизни я провела в окружении больших денег, предательства и запретов. Сейчас я достигла свободы: финансовой и душевной. Но единственное, что заставляет страдать мое сердце – первая любовь.

Но я никогда не смогу вернуться к нему. Мне остается смотреть на небо и вспоминать о его глазах, об ухмылке, которой бы побоялся сам Дьявол, о его сильных руках.

Мы не должны были влюбляться. Если бы мы не испытывали друг к другу чувств, у нас бы все сложилось иначе. И я бы не отправилась в тот роковой день на вечеринку, перевернувшую мою жизнь на "до" и "после".

Мое настоящее имя Кимберли Эванс, и моя история началась два года назад...

Глава 1 «Мое возвращение»

– Держись подальше от Аматорио.

С этими словами отец входит в мою комнату. Его холодные голубые глаза, так похожие на мои, придирчиво осматривают каждый дюйм моего вечернего платья. Обычно, я предпочитаю что-то удобное и незамысловатое из одежды. Но отец настоял на том, чтобы сегодня я выглядела, как принцесса.

Думаете, он пытается воссоздать в моей жизни сказку?

Нет.

Вовсе нет.

Отец рассчитывает выдать меня замуж за богатого и влиятельного человека. Такого же, как и он сам.

С этой целью он и устроил этим вечером что-то вроде светского приема. Официально отец пригласил гостей, чтобы отпраздновать возвращение домой его единственной дочери. То есть, меня.

Но на самом деле он видит меня, как очередной бизнес-проект. И как любой успешный бизнес-проект требует вложений и подготовки, так и отец "прошупывает почву", собираясь присмотреть для меня будущего кандидата в мужья.

Отца не волнует, что я еще учусь в старшей школе. Какая разница, сколько мне лет. Главное, чтобы кто-то из сыновей членов Конгресса или наследников крупных компаний сегодня поставил на мне "бронь".

– Почему я должна держаться подальше от Аматорио? – я возвращаюсь к предупреждению отца.

Странно, что он пытается ограничить мое общение с этой семьей. Во-первых, глава семьи Аматорио не только бизнес-партнер моего отца, но и его друг. А во-вторых, Маркос Аматорио владеет крупной строительной компанией в штатах, и у него есть двое сыновей чуть старше моего возраста – Десмонд и Кэш.

По всем законам папиной логики они оба подходят для кандидатов в мужья. Но почему-то отец говорит, чтобы я к ним не приближалась.

– Тебя не было в Бостоне три года... – сухо начинает он.

– Пять лет, – я поправляю его.

– Тебя не было в Бостоне пять лет, – продолжает отец. – И ты ничего не знаешь об этой семье. Ты понятия не имеешь, в каких демонов превратились Десмонд и Кэш.

Я с непониманием смотрю на отца. Что это значит? Аматорио вступили в секту и поклоняются Сатане?

– Я уважаю Маркоса, как друга и как бизнес-партнера. Но что касается воспитания своих детей – Маркос провалил этот тест.

Отец подходит и заправляет мне за ухо светлую волнистую прядь. Мои волосы доходят до копчика, но я заранее побеспокоилась о том, чтобы собрать их в прическу. Теперь мои крупные кудри закреплены на затылке, оголяя шею и плечи.

– Маркос вырастил настоящих монстров. Без убеждений, норм и границ. Его сыновья творят, что хотят: устраивают распутные вечеринки, затевают драки, спонсируют нелегальные гонки. И это лишь то, что успело попасть в прессу за последние несколько месяцев. Маркос спускает огромные суммы, чтобы очистить историю своей семьи.

С каждым словом тон отца становится серьезнее и грубее, пока в моей голове всплывает одно воспоминание за другим.

Мне шесть лет, я падаю с велосипеда на полном ходу. Кэш тормозит следом за мной, подбегает и дует на мою разодранную коленку, чтобы я не плакала...

На Рождество вместе с родителями я прихожу в дом Аматорио. Кэш зовет меня поиграть на задний двор и просит закрыть глаза. Я опускаю веки, чувствуя, как в мою ладонь утыкается что-то прохладное и влажное. Я тут же испуганно распахиваю глаза и вижу маленького золотистого лабрадора. Он радостно виляет хвостом, и я подпрыгиваю от восторга. Кэш исполнил мою мечту, в отличие от папы, который так и не подарил мне щенка...

Наступает канун Дня всех святых. Я и Кэш в форме учеников Слизерина выбираемся в парк аттракционов. Мы пугаем малышей, что превратим их в белых хорьков. В девять лет подобные шутки казались нам ужасно забавными...

Я втягиваю нижнюю губу в рот и зажимаю ее между зубами. С тех пор многое поменялось. Кэш Аматорио уже не тот безобидный мальчишка, дующий на мою раненную коленку.

Это подтверждают статьи в интернете и десятки фотографий в его соцсетях: шумные тусовки с толпами подруг, видео с уличных гонок на спортивных машинах, морские вечеринки на катере и остальные развлечения, которые предпочитают богатые дети.

Я никогда не позволяла себе чего-то подобного. По большей части я считаю себя довольно порядочной и воспитанной девушкой. Я не хожу на вечеринки, не пью и тем более не сплю с парнями.

Из моих мыслей меня отвлекает голос отца.

– Не переживай. Сегодня вечером никого из Аматорио не будет в моем доме. Я не отправлял им приглашения.

Прежде чем я успеваю возразить, отец достает из внутреннего нагрудного кармана темного пиджака небольшую коробочку. Открывает ее, и я вижу серьги-гвоздики со сверкающими на свету крупными бриллиантами.

– Примерь их.

Без какого-либо намека на радость я беру украшение, встаю перед зеркалом и просовываю серьги сначала в одну, а потом в другую мочку уха. Камни довольно тяжелые. Стбит мне чуть повернуть голову, как они роскошно поблескивают на свету, молчаливо указывая о своем космическом ценнике.

– С возвращением домой, Кимберли.

– Спасибо, – я натянуто улыбаюсь в ответ, хотя на самом деле хочу поскорее их с себя снять.

Наверное, вы думаете, что я неблагодарная, раз не могу по достоинству оценить подарок отца. Сколько девушек мечтают о драгоценностях стоимостью в полмиллиона?

Вот только я воспринимаю щедрый жест отца, как очередное вложение. Чем привлекательнее товар на внешний вид, тем больше растет на него спрос и возрастает цена. Соответ-

ственно, чем эффектнее я буду выглядеть, тем больше гостей обратят внимание на меня. *И мой отец описывается от счастья.*

– Наконец-то твоя мать сделала умную вещь, – отец встает позади меня и окидывает мое отражение в зеркале оценивающим взглядом.

Я не спрашиваю его, что он имеет в виду, потому что и так знаю ответ. Отец говорит о решении моей мамы отправить меня к нему на воспитание в Бостон.

Пять лет назад мои родители развелись, и мама забрала меня с собой в Англию. Спустя три неудачные попытки замужества, она разочаровалась в мужчинах. Думаю, это связано с тем, что ее последний супруг проиграл в азартные игры все ее состояние, которое досталось ей по наследству.

После этого мама больше не могла оплачивать наши счета. Не хватало даже на то, чтобы покрыть триместр в моей частной школе Королевы Анны в графстве Беркшир. И мама решила отправить меня к ее бывшему мужу и моему родному отцу – Льюису Эвансу.

Ему принадлежит сеть гостиниц и отелей в нескольких штатах. Но, похоже, отцу мало своего состояния, раз он хочет увеличить капитал за счет моего выгодного замужества. «Деньги тянутся к деньгам», – его любимая поговорка.

– Нам повезло, что тебе досталось все самое лучшее от матери. Только подумай, какие обеспеченные женихи будут выстраиваться к тебе в очередь.

Отец потирает ладони от предвкушения будущей выгодной сделки. Клянусь, если он расмеется вслух коварным хохотом, то даст фору любому сказочному злодею.

– Пора спускаться к гостям, – говорит он напоследок и разворачивается, чтобы выйти из спальни.

– Может быть, мне лучше надеть что-то менее... провокационное? – предлагаю я.

Отец выбрал такое платье, чтобы все было выставлено на показ: открытые руки и плечи, глубокий вырез декольте и молочный оттенок ткани, совпадающий с моим цветом кожи.

Я чувствую себя практически обнаженной. От этого мне хочется забраться в постель, накрыться с головой одеялом и не вылезать из своего убежища до конца вечера.

– Это платье отлично подходит, – равнодушно бросает отец и перед тем, как уйти, оборачивается. – Продемонстрируй им свои безупречные манеры, Кимберли. Ты же училась в королевской школе три года.

– Пять лет, – я снова поправляю его, но отец уже не слышит меня, исчезая за дверью моей новой комнаты. *Или моей новой тюрьмы.*

Я спускаюсь по волнообразной лестнице, молясь не подвернуть ногу на глянцевых ступенях из мрамора. Было бы весьма феерично скатиться к гостям, а заодно и к моему отцу с переломанной шеей.

Кстати, он уже с ослепительной улыбкой купается во внимании мужчин и дам в дизайнерских платьях и дорогих костюмах. Их украшения поблескивают в свете громадной хрустальной люстры, свисающей с потолка второго этажа.

С тех пор, как я уехала с мамой в Англию в этом доме ничего не поменялось. Здесь по-прежнему каждая деталь создана с той целью, чтобы заявить всем и каждому, что у его владельца имеется огромный счет в банке. А еще множество особняков по всей стране, недвижимость за границей и ровные отбеленные зубы, которыми отец вгрызается в глотку своим конкурентам.

Отец кивает в знак одобрения, когда я приближаюсь к нему, и представляет меня нескольким мужчинам и женщинам примерно своего возраста. Их взгляды сосредоточены на мне, и я отвечаю им поверхностной улыбкой. Они возвращаются к обсуждению нового закона, и боковым зрением я замечаю промелькнувшую тень. Оглянувшись, я вижу гостей, увлеченных беседой.

– Кимберли, ты помнишь Джека Блаунта? Ты ходила с ним в начальную школу.

Голос отца отвлекает меня от мимолетного движения. Я поворачиваюсь и обнаруживаю перед собой светловолосого парня. У него серые глаза, бледная кожа и вымученная улыбка. Понимая, что мое молчание длится дольше положенного, я рассеянно произношу:

– Нет, скорее всего не помню... Прошло много лет.

Улыбка Джека окончательно гаснет, и, кажется, отец недоволен моим ответом.

– Что ж, у тебя будет достаточно время, чтобы вспомнить, – укоризненно говорит он. – Ты будешь учиться вместе с ним в академии «Дирфилд».

Мой желудок сжимается. Я буду учиться не только с Джеком. Но и с Кэшем. Я видела фотографии, где он был в темно-зеленой форме академии с золотистой эмблемой «D» на груди.

Внезапно гости замолкают во время оживленной беседы. Они смотрят куда-то позади меня и спустя несколько секунд неохотно возвращаются к разговору. Я поворачиваю голову, чтобы узнать, что так привлекло их внимание.

Аматорио.

Меня можно не спрашивать, помню ли я их кого-то из них. Я помню каждого. Такие, как они, не забываются. Как северное сияние, как охваченный огнем лес или как гигантская волна, движущаяся на тебя. Стóбит увидеть эти явления один раз, и они навсегда поселятся в твоей памяти.

Мистер Аматорио идет впереди в темно-синем костюме, в тон ему рубашке и галстуке. Его смоляные волосы идеально зачесаны назад, демонстрируя острые скулы – выделяющаяся черта Аматорио.

Рядом с ним его супруга Алессия. Ее темные волосы спадают на одну сторону элегантными волнами. Макияж на лице безупречный, как и черное платье, повторяющее все ее изгибы.

За ними следуют их дети.

Старший сын Десмонд в таком же костюме, как и его отец, но без галстука. В нем не осталось ничего от того мальчика, которого я помню из детства. Десмонд выглядит так, словно готов сломать хребет одним щелчком пальцев. Но вместе с этим в его внешнем виде нет чего-то такого, будто он принимает стероиды. Его черные волосы немного взъерошены, а голубые глаза смотрят перед собой уверенно, спокойно и равнодушно.

На него оборачиваются многие девушки и дамы, но Десмонд не проявляет ни к одной из них какого-либо внимания. Похоже, он привык к повышенному женскому интересу так же, как каждое утро и вечер привык чистить зубы.

Около Десмонда идет его младшая сестра Грейс, вложив руку в его сгиб локтя. На Грейс такое же черное платье, как и у ее матери, но с длинными рукавами, высоким воротом и разрезом на бедрах. Я помню ее маленькой десятилетней девочкой с густыми темными волосами, как и у ее родителей. Но сейчас ее пряди окрашены в более светлый оттенок, чем у меня.

Грейс так же, как и Десмонд, изменилась. Ее мягкие детские черты лица стали выразительными и выточенными. Синие глубокие глаза, четко очерченные губы и выделяющиеся скулы. Она очень красива и стала еще больше похожей на своего близнеца – Кэша, которого *здесь нет*.

Невольно мой взгляд начинает метаться по гостиной. *Он должен прийти*. Я написала в приглашении, что буду рада видеть мистера и миссис Аматорио вместе с их детьми.

– Что *они* здесь делают? – тихо спрашивает меня отец, наклонившись к моему уху.

– Я дружила с ними в детстве, – так же тихо отвечаю я. – Сегодня утром я отправила им приглашения.

– Кимберли, – сердито произносит отец, и по его тону мне становится ясно, что после приема меня ждет серьезный выговор.

Однако за долю секунды его недовольное выражение лица меняется на приветливое.

– Здравствуй, Маркос, я так рад тебя видеть! Как приятно, что ты пришел не один. Алессия, моя дорогая, как ты чудесно выглядишь. А это моя дочь Кимберли, вы должны ее помнить...

Я едва сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть. Если бы сегодня вечером проводился конкурс под названием: «Самый лстивый обманщик», мой отец точно бы занял первое место.

– Кимберли, – произносит Алессия с теплотой в голосе. – Ты стала настоящей красавицей.

– Спасибо, – я делаю ответный комплимент. – Вы тоже потрясающе выглядите. Как и ваши дети.

– О, да, – Алессия расплывается в счастливой улыбке. – Только посмотри на моего старшего сына. Ему нужно сниматься для известных журналов или играть в кино, ведь он унаследовал все самое лучшее.

От ее слов Десмонд слегка морщится.

– Но он выбрал автоспорт. Десмонд собирается улететь в Европу и связать свою жизнь с гонками, – гордо добавляет Алессия, и мне кажется, я определила любимчика в этой семье.

– Мама, это вечеринка не в мою честь. Это приветственная вечеринка Кимберли, разве не так?

Десмонд пожимает руку моему отцу, потом переводит взгляд на меня. Я неловко киваю и, не зная почему, опускаю глаза. В частной школе мы часто обсуждали с девочками всяких мальчиков, но чтобы видеть вживую таких красивых парней...

– Кимберли, ты помнишь мою младшую дочь – Грейс? – мягко спрашивает меня Алессия. – Ты ведь играла с ней в детстве?

– Кимберли больше любила играть с мальчиками, – отвечает вместо меня Грейс и делает шаг вперед, чтобы обнять меня. Затем говорит с такой громкостью, чтобы только я могла ее услышать. – Ты изменилась. Если бы мой брат был тут, он бы тебя не узнал.

Мне хочется спросить у нее, почему не пришел Кэш, но Грейс отстраняется и переключает свое внимание на Джека.

Спустя некоторое время отец представляет меня нескольким знакомым и их сыновьям. Я мечтаю, чтобы вечер поскорее закончился, но внешне излучаю спокойствие и доброжелательность. Похоже, в моем роду игра на публику передается на генном уровне.

Вскоре в гостиной раздается живая музыка. Пространство наполняется звуками клавиш рояля и женским вокалом. На сцене, установленной рядом с лестницей, певица исполняет медленную и романтическую композицию. Гости постепенно перестают разговаривать и слушают музыку.

Краем глаза я замечаю, как Десмонд берет бокал шампанского с подноса, проходящего мимо официанта, и уходит куда-то вглубь дома. Я прослеживаю за ним взглядом, подавляя в себе желание отправиться следом за ним и спросить, почему не пришел его брат.

Неужели Кэш окончательно вычеркнул меня из своей жизни?

Неожиданно мой затылок начинает покалывать. Такое чувство, словно кто-то позади меня наводит на мою голову лазерный луч. Я оборачиваюсь, но тут меня зовет Джек Блаунт:

– Кимберли, потанцуешь со мной?

– Я не...

– Разумеется, она будет рада потанцевать с тобой, – заявляет отец и буквально подталкивает меня к Джеку.

Тот улыбается мне, и я нахожу в себе силы ответить тем же. Джек берет меня за руку и подводит ближе к сцене, рядом с которой танцуют несколько пар.

– Кимберли, я не успел сказать, как рад твоему возвращению.

Он подходит так близко, что еще несколько дюймов, и наши тела рискуют соприкоснуться. Джек устраивает обе ладони на моей талии, пока я неловко кладу обе руки на его грудь. На самом деле я хочу отстраниться, а еще лучше прекратить танец.

Но предупреждающий взгляд моего отца с другого конца гостиной останавливает меня от этой затеи. Математика всегда была моей сильной стороной. И трехминутный танец в компании Джека Блаунта не приравнивается к двухчасовому выговору от отца.

– Мы будем вместе учиться, – продолжает Джек. – Ты рада?

Опустив глаза, я глубоко вздыхаю. Не уверена, что я испытываю что-то похожее на радость. Как только мне исполнится восемнадцать, мой отец будет настаивать на замужестве.

– Эй, Кимберли, – Джек усиливает хватку на моей талии, его пальцы впиваются в кожу через тонкую ткань платья, заставляя поежиться. – Почему ты молчишь? Ты не рада, что мы будем вместе учиться?

Я собираюсь закончить разговор, ответив Джеку что-то нейтральное, а потом под каким-нибудь предлогом уйти. Мне не хочется с ним танцевать. Его близость и его прикосновения не доставляют ничего, кроме единственного желания – бежать.

Ба-бах!

Вдруг снаружи дома раздается оглушительный взрыв. Резкий грохот перебивает музыку и голоса гостей. Я вздрагиваю и тревожно оглядываюсь по сторонам.

Что случилось?

Ба-бах!

Гремит еще один взрыв, заставляющий дрожать стены. Я замечаю, как в высоких окнах гостиной, выходящих на задний двор, множество розовых искр окрашивают вечернее небо. Мои брови ползут вверх от увиденного.

Я знаю, что в конце вечеринки будет запущен салют. Но с какой стати он начался прямо сейчас?

Ба-бах!

Еще один оглушающий взрыв, но на этот раз он гремит совсем рядом с домом. Раздается звук разбитого стекла, после которого начинает визжать пожарная сигнализация. Женщины вскрикивают, мужчины выдают ругательства. Я отстраняюсь от Джека, который ошарашенно осматривается по сторонам.

Ба-бах!

В гостиной разбивается огромное окно от пола до потолка. Искрящийся фейерверк попадает в старинную скульптуру, установленную у основания лестницы. Осколки Богини Деметры разлетаются в стороны, пока тысячи стеклянных осколков усеивают светлый мраморный пол. Пространство начинает заполняться дымом, и гости испуганно бросаются к выходу.

– Кимберли, нужно убираться отсюда! – Джек пытается схватить меня за руку, но я отмахиваюсь от него.

Он уходит, а я остаюсь на месте, пытаюсь справиться с подступающей паникой. Туман постепенно заволакивает все вокруг, но сквозь пелену я всматриваюсь в пространство заднего двора. Мое сердце опускается на дно желудка.

Мне мерещится, или я вижу рядом с фонтаном темный силуэт?

В воздух поднимается еще один залп и взрывается в небе. Сияние от фейерверков на несколько секунд освещает задний двор, становится ярко, как на стадионе под огнями прожекторов.

Теперь я могу с уверенностью заявить, что *кто-то* стоит напротив моего дома. Он невозмутимо наблюдает за тем, как залпы фейерверков попадают в фасад и разрушают его снова и снова.

В суматохе криков и визгов я слышу, как отец громко выкрикивает мое имя. Он пытается найти меня в обезумевшей толпе, но я не отвечаю ему. Меня пронзает мощная вспышка гнева. *Кто посмел запустить фейерверк в дом моего отца?*

Вцепившись в юбку платья, я решительно направляюсь к выходу на задний двор и наконец выбираюсь из тучи дыма. Я оказываюсь снаружи, и прохладный воздух обволакивает каждый дюйм моей вспотевшей кожи. Раздается еще один взрыв, и я молюсь, чтобы он был последним. К несчастью, залп от фейерверка попадает в окно на втором этаже, и в одно мгновение языки пламени охватывают шторы.

Новая вспышка ярости пронзает меня. Я перевожу взгляд на проклятый силуэт, стоящий рядом с фонтаном. Он высокий, так как одного роста с фигурой льва, из пасти которого струится вода. Неизвестный одет в толстовку, прилегающую к его телу с широкими плечами. Его лица не видно, так как оно скрыто в тени капюшона, но почему-то я твердо уверена, что он смотрит на меня так же пристально, как и я на него.

И почему-то я твердо уверена, что это именно он устроил хаос.

В небе взрывается завершающий и по традиции самый яркий фейерверк. Я запрокидываю голову, наблюдая, как розовый шлейф от салюта оседает вниз, скользя по темно-синему небу. Одна часть меня хочет подбежать к неизвестному, чтобы выяснить, кто он. Но другая часть предупреждает меня, что это опасно.

Кто ты такой? Зачем ты все это устроил?

Вместо того, чтобы крикнуть, я остаюсь на месте и смотрю, как неизвестный вынимает зажигалку из кармана толстовки. Большим пальцем он снимает с нее крышку и щелкает по колесу. От горящего пламени освещается его нижняя часть лица.

У него острая линия челюсти и в меру полные губы. Я до сих пор не вижу его глаз, но все равно чувствую, как его взгляд обращен на меня. Словно лазерные лучи выжигают меня, отделяя от всего остального.

Жар подкрадывается к лицу, когда неизвестный высовывает кончик языка и медленно проводит им по губам. Его рот растягивается в мрачной ухмылке. Склонив голову, он бросает горящую зажигалку в фонтан, и языки пламени в миг охватывают водяную поверхность.

А потом неизвестный невозмутимо и спокойно уходит вглубь сада. Будто кто-то другой, а не он, оставил после себя хаос и разрушение.

– Иисусе, Кимберли! – рядом со мной возникает отец. – Пока я искал тебя, то чуть не поседел во второй раз!

Отец уводит меня в дом, который уже заполнен охраной. В какой-то момент я оборачиваюсь и смотрю на то место, где в последний раз видела неизвестного.

Но там уже никого нет.

Глава 2 «Запреты»

– О чем ты только думала, когда отправляла приглашения для Аматорио? – ругается отец, одновременно указывая водителю повернуть в сторону парковки перед главным корпусом академии.

Прошло больше трех дней, как праздничный фейерверк вышел из-под контроля. Кто-то повредил блок под батареей салютов, направил заряды на дом и поджег фитиль. Искрящиеся ракеты нанесли ущерб по значительной части фасада, выбили несколько окон и разрушили старинную скульптуру.

Однако отец до сих пор разглагольствует лишь на одну тему. О "чертовой семейке Аматорио".

– Я дружила с ними все детство, и мне захотелось их увидеть.

Я отвечаю на вопрос отца в сотый раз. И в сотый раз скрываю свой настоящий мотив. Из всей семьи Аматорио меня интересует лишь один.

Кэш.

В детстве мы были друзьями. Мы дурачились, лазили по деревьям, катались на велосипедах вокруг особняка Аматорио по сосновому лесу. Но потом мне пришлось переехать в Англию. Первое время мы переписывались. Кэш писал мне каждый день. Он делился со мной многими вещами, заставлял улыбаться, смешил, а порою вгонял в краску. Клянусь, когда я читала его сообщения, то чувствовала, что *я не одна*.

Но спустя два года наше общение прекратилось. Мои последние сообщения Кэш оставлял без ответа несмотря на то, что появлялся в сети. Поначалу я злилась. Занесла его в черный список и ругала себя за то, что создала фейковый профиль, чтобы следить за ним. Потом эта стадия сменилась грустью, а после принятием. Я смирилась, что у Кэша появилось много новых друзей, и он предпочитал проводить время с ними, а не тратить время на девочку, которая находилась на другой стороне океана.

Но сейчас... Сейчас между нами нет такого огромного расстояния. И мне хочется увидеть Кэша и спросить: почему он прекратил наше общение? Почему предпочел вычеркнуть меня из своей жизни?

Вполне вероятно, что Кэш ничего не будет мне объяснять. Но я обязана попытаться. Ради нашей дружбы. Ради того мальчика, который дул на мою разбитую коленку и подарил мне щенка.

– ...Ты слушаешь меня, Кимберли? – спрашивает отец с негодованием в голосе. – Ты не представляешь, насколько гнилая эта семья.

– Папа, пожалуйста, давай без преувеличений.

– Этот чертов мальчишка Десмонд! Я уверен, что это он устроил беспредел с фейерверком. Я готовился к этому вечеру, пригласил огромное количество важных персон, а он все испортил!

Я уверена, что Десмонд не имеет отношения к хаосу. Но суровый вид отца заставляет меня держать язык за зубами. И это не единственное, о чем я молчу. Я так и не сказала о неизвестном, которого видела на заднем дворе.

Я понимаю, что с моей стороны было бы правильным во всем признаться отцу. Однако в какой-то мере я благодарна неизвестному поджигателю. Именно он сделал то, на что бы я никогда не решилась – он сорвал планы отца.

– А камеры видеонаблюдения? – спрашиваю я. – Они что-нибудь зафиксировали?

Я хочу разоблачить неизвестного поджигателя. Мне не терпится узнать, *кто он такой*. И одновременно я не хочу, чтобы у него возникли неприятности. *Наверное, я выжила из ума, раз покрываю преступника*.

– Охрана не знала, что происходит на заднем дворе. Камеры транслировали видео, записанное в начале вечеринки, – отец сердито поджимает губы. – Кто-то заменил файл.

– Неужели никто из охраны не слышал взрывов?

– Слышали. Но им поступило сообщение, что одна из машин гостей заминирована. Пока они решали вопросы с ложной взрывчаткой, кто-то проник на задний двор и поджег фитиль.

С каждым ответом отца мое любопытство возрастает. Теперь мне хочется еще больше узнать, *кто он*. Ему удалось заменить файл видеозаписи и одурачить охрану, и я мысленно добавляю несколько очков его сообразительности.

И вместе с тем мне становится не по себе. Неизвестный может быть опасен. Он умело замечает за собой следы.

Между тем, водитель тормозит на парковке перед центральным зданием из красного кирпича. Академия «Дирфилд» считается одним из престижных и старинных учебных заведений в стране. Она славится знаменитыми выпускниками, эффективными программами обучения и одной из крупных библиотек в Массачусетс. А еще учениками, чей банковский счет превышает годовой бюджет некоторых стран.

Мой взгляд скользит по дорожке, застилаемой желтой листвой и ведущей к главному входу в академию. По ней идет Джек Блаунт. На нем школьная форма, состоящая из темно-зеленого пиджака, идеальной белой рубашки и светлых брюк без единой складки. Его волосы зачесаны назад, полностью открывая лицо.

– Кимберли, подожди. Я должен тебе кое-что сказать, – прежде чем я успеваю выбраться из черного Rolls-Royce, меня останавливает отец.

– Что случилось?

– Дело в том, что я сейчас переживаю не самые лучшие времена, – отец хмурится, и я замечаю на его лице множество глубоких морщин. – Мне пришлось приостановить работу в нескольких штатах из-за отсутствия прибыли. Аналитики сообщили неблагоприятный прогноз, и есть вероятность, что я потеряю сеть гостиниц.

Это уже не первая новость о банкротстве, которую я слышу от родителей. Но если у мамы была безвыходная ситуация, то я не знаю, насколько плохо обстоят дела у отца.

– И что ты намерен делать? Ты собираешься отправить меня обратно к маме?

– На данный момент я в состоянии оплачивать учебу и твое содержание, – отец некоторое время молчит, а затем продолжает. – Кимберли, пока ты учишься в «Дирфилд», ты можешь завести полезные связи. На твоём месте я бы присмотрелся к Джеку Блаунту. Его семья владеет ведущим издательством и известным журналом.

– Практически каждый ученик в «Дирфилде» – будущий владелец той или иной компании.

– В руках Блаунтов СМИ. Это не просто большие деньги, Кимберли. Это сильнейшие рычаги давления. Только представь, если наши семьи породнятся...

– Папа, я еще слишком молода, чтобы думать об этом, – устало говорю я, но отец пресекает меня.

– Твоей матери было шестнадцать, когда нас познакомили родители. Семнадцать, когда я сделал ей предложение. А в восемнадцать она забеременела тобой. И пока она была моей женой, ее жизнь была похожа на сказку.

– Тогда почему она ушла от тебя?

– Лучше спроси у нее, – глаза отца метают гром и молнии. – Я до сих пор не пойму, чего ей не хватало.

Он отвлекается на телефонный звонок, и в это мгновение снаружи автомобиля раздаются басы. Окно рядом с водителем опущено, и я отчетливо слышу "HDMI" Bones, доносящийся из чужих динамиков.

Я поворачиваю голову и вижу черный тонированный внедорожник, остановившийся неподалеку от нашей машины. Его задняя дверь раскрывается, и на парковку выбирается высокий парень с густыми темными волосами и смуглой кожей.

В памяти моментально всплывают фото, которые я видела в соцсетях. *Это один из друзей Кэша.* Следом за ним из автомобиля выходят две старшеклассницы. Их юбки настолько короткие, что еще немного и можно увидеть белье.

Они о чем-то оживленно разговаривают и смеются, пока с водительского места слезает Десмонд. Он не успевает сделать и шагу, как на него вешается блондинка примерно моего возраста. У нее привлекательное лицо и безупречная фигура, но Десмонд с хмурым видом ее отстраняет.

Если когда-нибудь случится чудо, и у Десмонда появится девушка, то я не представляю, как ей удастся завоевать его. У нее должен быть склад боеприпасов, чтобы подорвать его отстраненность и мрачность, упакованную в манящую внешность.

Но я всегда считала более привлекательным его младшего брата. Я смотрела фотографии на профиле Кэша, и каждая черта в нем казалась для меня... Я не знаю точно, какое подобрать слово, но это нечто связанное с *притягательным, обольстительным и опасным.*

Однако мне еще слишком рано думать об этом.

Мои ладони потеют, и я вытираю их о край школьной клетчатой юбки. Здесь его старший брат и друг. И несложно догадаться, что где-то поблизости может быть *он.*

– Эй, чувак, – кричит Стив, тиская одну из старшеклассниц. – Тебя обычно с трудом вытаскишь ко второму уроку. Расскажешь, какого хрена мы сегодня приперлись в такую рань?

Раздается звук захлопнувшейся двери. Спустя пару секунд капот внедорожника огибают высокий парень. Я моргаю несколько раз. *Это он.*

Кэш.

На нем белая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, черные брюки, вокруг бедер повязанный пиджак академии. Его каштановые волосы небрежно уложены, а глаза скрыты темными солнцезащитными очками Ray Ban.

В последней статье, опубликованной на прошлой неделе, было написано, что Кэш подрался в ночном клубе, после чего был задержан, но его выпустили под залог. Даже на снимке после полицейского участка он выглядел впечатляюще со своей дерзкой ухмылкой.

Именно с такой же ухмылкой он оборачивается на своего друга, который прижимает старшеклассницу к кузову внедорожника и запускает руки под ее юбку. Я мысленно благодарю нашего водителя за то, что он припарковал Rolls-Royce таким образом, что моему отцу не видно всей этой распутной картины.

– Пора взяться за ум, – отвечает Кэш удивительно низким голосом для своего возраста и кивком подбородка указывает на девушку. – Даже не начинай, Стив. Я уже был с ней и не советую.

– Заткнись, Кэш! – на него шипит старшеклассница. – У нас с тобой ничего не было.

– Ничего не было, – Кэш надувает пузырь из жвачки и лопаёт его с громким хлопком. – Не считая засоса, который ты оставила на моем члене.

Стив выпускает сдавленный смешок, а несчастная старшеклассница вопит во все горло:

– Ты врешь!

– Уверена? – с вызовом бросает Кэш и опускает руку на пах. – Я могу доказать обратное. Клянусь, мои яйца до сих пор фиолетовые.

Десмонд теряет интерес к разговору и невозмутимо уходит с парковки. За ним следует Стив с покрасневшим от смеха лицом. Я уверена, что мои щеки такого же оттенка, но по другой причине.

Старшеклассница гневно поправляет юбку и отправляется в академию вместе с подругой. Кэш разворачивается, собираясь последовать за Десмондом и Стивом, но в последний момент оборачивается. Его глаза скрыты за очками, и я не могу со стопроцентной уверенностью заявить, куда обращен его взгляд. Но мне кажется, что он смотрит на меня. Иначе, как объяснить мой резко подскочивший пульс?

Я нервно прикусываю нижнюю губу, пока его рот растягивается в ухмылке. В памяти почему-то всплывает деталь, когда неизвестный поджигатель стоял на заднем дворе, держал перед собой зажигалку и облизывал губы кончиком языка.

Нет. Это невозможно.

Я поворачиваюсь к отцу, который завершает телефонный звонок.

– Вот, о чем я говорил тебе, Кимберли. Только посмотри на них. Готов поспорить, что Аматорио вместе со своим приятелем лишили невинности этих девиц по дороге в школу. И уже завтра на их месте окажутся другие наивные дуры.

Выходит, мой отец все видел. Мне стоило догадаться, поскольку он зациклен на этой семье.

– Теперь я уверен, что поступил правильно. Я поговорил с Маркосом, чтобы он велел своим сыновьям не приближаться к тебе.

– Что? – я не верю, что отец продолжает вторгаться в мою жизнь.

– Ты порядочная девушка с безупречной репутацией. И я не позволю какой-то развратной семейке испортить тебя.

– Папа, с чего ты решил, что...

– Кимберли, – произносит отец резким тоном. – Ты должна держаться подальше от этих отпрысков дьявола! А теперь иди, иначе ты опоздаешь в школу.

С моих губ срывается что-то среднее между раздраженным рычанием и шипением. Может быть, отец прав, и эти парни умело морочат голову девушкам. Но я не позволю одурачить себя. В отличии от большинства, я не мечтаю встречаться с мальчиками и становиться чьей-то подругой.

Я вернулась в Бостон с единственной целью. Я хочу закончить академию «Дирфилд», получить образование в «Брауне» и стать опытным психологом-криминалистом. Что может быть увлекательнее, чем забираться в голову преступников, изучать их мышление, образ жизни и делать выводы, почему они решили нарушить закон?

Но я не говорю об этом отцу, поскольку у нас с ним совершенно разные взгляды на мое будущее. Прежде чем выбраться из машины, я поворачиваюсь и смотрю на то место, где в последний момент видела Кэша. Но его там уже нет.

– Кимберли, что делаешь завтра вечером? – рядом со мной встает Джек Блаунт, пока я пытаюсь справиться с дверцей своего нового личного шкафчика и сложить в него учебники после первых занятий.

– Буду готовить проект по истории города.

Я говорю это не для того, чтобы отшить Джека. Миссис Харрисон на самом деле дала задание: сделать презентацию в свободном стиле. Нужно выбрать любой городской объект и снять про него интересный видеоролик или фоторепортаж.

– Но его же нужно сдать к концу месяца, – возражает Джек.

– Знаю. Но я не люблю что-то откладывать на последний момент.

Наконец, я раскрываю шкафчик и начинаю раскладывать учебники, разделяя их на гуманитарные и точные науки. Я делаю это намерено долго и тщательно, надеясь, что Джеку надоест стоять рядом со мной.

– Ты уже выбрала тему для презентации? – будто бы нарочно спрашивает меня он.

– Да, – отвечаю я и поворачиваюсь к Джеку. – Я сниму видео про заброшенный туннель*.

Его брови медленно ползут вверх.

– Я думал, что ты выберешь что-нибудь другое. Что-то вроде...

– Что-то вроде музея замка Хэммонда** или банального и скучного Дома Пола Ревира***? – я пожимаю плечами. – На самом деле мне бы хотелось снять про дом, в котором родился Бостонский душитель****. Но если об этом станет известно моему отцу, то он сочтет мои увлечения, мягко говоря, странными. И он не ограничится нравоучительной лекцией. Как минимум, отец заставит меня посещать психотерапевта два раза в неделю.

Джек молчит, и выражение его лица начинает меня нервировать. Он смотрит на меня так, будто я говорю на ломанном китайском, и при каждом слове из моего рта высовывается раздвоенный язык.

– Поэтому мне придется снимать про Клинтонский туннель, – невозмутимо заканчиваю я.

Джек выдавливает из себя полуулыбку.

– Должно быть, ты боишься идти одна в заброшенное место. Я могу составить тебе компанию.

Я не боюсь. Но также я уверена, что отец никогда не отпустит меня в одиночестве в подобное место. Скорее всего, он попросит своего водителя сопровождать меня.

Однако если выбирать между Джеком и Патриком, жалующимся на кишечные спазмы, то мне стóит согласиться на предложение Блаунта.

Я раскрываю рот, чтобы ответить, как *нечто коричневое* со стремительной скоростью попадает в соседний шкафчик. Я вздрагиваю от резкого грохота и вижу образовавшуюся вмятину в металлической дверце. Аккуратно в том месте между мной и Джеком.

– Вот черт! – восклицает Джек и испуганно отшатывается назад.

Пространство школьного холла начинает заполняться смешками. Я опускаю взгляд, заметив лежачий на полу рыжий мяч с белыми швами.

Кто его запустил?

Повернувшись, я вижу на противоположной стороне холла компанию парней. Все они из школьной футбольной команды. И среди них Кэш.

Прислонившись спиной к шкафчикам, он смотрит прямо на меня, засунув руки в передние карманы брюк. На этот раз Кэш без своих солнцезащитных очков. Наши глаза встречаются, и от его пронизывающего взгляда по моей коже бегут мурашки. Меня охватывает замешательство, смешанное с желанием смотреть на него дальше. Но я быстро беру себя в руки.

– Кто из вас кинул мяч? – достаточно громко спрашиваю я.

От моего вопроса поднимается новая волна смеха, будто я произнесла вслух нечто тупое. Парни из футбольной команды переглядываются между собой, и Стив выдает:

– И что ты нам сделаешь, если узнаешь, блондиночка?

Блондиночка.

Я морщусь от того, как он назвал меня.

– У нее есть имя, – резко говорит Кэш, продолжая смотреть на меня. – Кимберли, – более тихо добавляет он.

Кэш помнит, как меня зовут? Или мне показалось, как он произнес вслух мое имя?

– Придурки, – бормочет Джек и подбирает с пола брошенный мяч.

Он кидает его обратно в сторону парней из футбольной команды. Кэш с легкостью ловит мяч, не двигаясь с места, продолжая неотрывно смотреть на меня. Его глаза темнеют, сужаются, и на этот раз я не такая смелая. Я первая отвожу взгляд и сосредоточиваю свое внимание на Джеке.

– На чем мы остановились?

– Я напрашивался в твою компанию, – улыбается Джек. – Ты не против, если мы вдвоем сделаем презенту... .

Не успевает он об этом спросить, как в его голову прилетает мяч. Джек теряет равновесие и падает на пол, его затылок ударяется о дверцу шкафчика. С моего рта срывается испуганный вздох:

– Джек!

Я наклоняюсь, чтобы помочь ему встать, однако он достаточно быстро поднимается на ноги. В прошлый раз удар был настолько сильным, что на шкафчике образовалась вмятина. Но надо отдать должное Джеку за то, что он пытается выглядеть невредимым.

– Все в порядке, – Джек выдавливает из себя слабую улыбку и оборачивается на Кэша.

Вероятно, он не хочет вступать в конфликт с Аматорио-младшим, поскольку не произносит ни слова. Какое-то время между ним и Кэшем происходит немая зрительная атака, которую прерывает звонок, оповещающий о конце перерыва.

– Увидимся после уроков, – Джек уходит, потирая ушибленный затылок.

Ученики в спешке покидают холл и направляются в сторону кабинетов. Я перевожу возмущенный взгляд на Кэша. Ему обязательно вести себя по отношению к другим, как полный придурок?

Я отворачиваюсь и собираюсь закрыть шкафчик, но у меня не получается этого сделать. Подняв взгляд, я замечаю, как мою дверцу сжимает чья-то рука с длинными пальцами и выступающей веной. Я разворачиваюсь, и мое сердце начинает колотиться сильнее.

– Кэш, – удивленный вздох срывается с моих губ.

Он смотрит на меня в упор. В эту часть здания не попадает солнечный свет, но его синие глаза ярко блестят. Они почти скрыты густыми ресницами. Его темно-каштановые волосы слегка покрывают лоб и играют контрастом с острыми скулами.

Я не позволяю себе смотреть на него слишком долго и отворачиваюсь. Видеть его на фотографиях и видеть вот так близко вживую – такие же разные вещи, как снимок океана и оказаться на берегу рядом с волнами.

– Ты бы не мог дать мне закрыть шкафчик? Я опаздываю на занятие.

Кэш поднимает свободную руку, упираясь ей в соседний шкафчик, и заключает меня в ловушку. С одной стороны наполовину распахнутая дверца, а с другой – его рука и массивное тело.

От девочек, болтающих на первом уроке, я слышала, что Кэш квотербек, а его друг Стив ресивер в местной школьной команде. Наверное, поэтому у этих парней уже отчетливо проглядываются рельефные мышцы на плечах под одеждой.

Я поворачиваю голову, увидев, как ученики проходят мимо, торопясь на занятия. В холле царит суэта, но Кэш не обращает ни на кого внимания и продолжает пристально смотреть на меня. В отличии от него, я избегаю прямого зрительного контакта и задерживаю взгляд на его

губах. У Кэша они достаточно полные, но не настолько, чтобы это выглядело отталкивающе. Но вскоре мысль о его губах сменяется той, где я должна спросить у него: почему он перестал мне писать?

– Ты назвал мое имя, – я решаю говорить начистоту. – Ты помнишь меня? Мы дружили пять лет назад.

– Я помню, принцесса.

Принцесса.

Моя грудь сдавливается невидимыми тисками. Маленькой девочкой я обожала диснеевских принцесс, особенно Рапунцель. Я с серьезным лицом просила так меня называть, и Кэш никогда не отказывал в этом.

Но сейчас слышать от него такое слово кажется ужасно неправильным. Кэш изменился. Он стал... *хуже*. На парковке он вел себя, как настоящий мудака. И это не считая того, что он запустил мячом в Джека.

Кэш отпускает дверцу шкафчика и останавливает руку рядом с моим лицом. Я перестаю дышать в ожидании, что он прикоснется ко мне или заправит за ухо прядь. Но Кэш не делает ни того, ни другого.

– Я помню, как мы любили играть, – его низкий голос и дыхание скользят по моему лицу.

Он опускает руку и прижимает кончик указательного пальца к моей шее. От его прикосновения я вздрагиваю и начинаю дышать с бешеной скоростью. В ноздри ударяет парфюм, состоящий из кожи, древесных и каких-то сладких нот. Этот запах идеально подходит Кэшу.

– Ты помнишь, какая была моя любимая игра?

Он надавливает пальцем на нежную кожу на шее и начинает медленно проводить им вниз, пока не задерживается на впадине между ключицами. От быстрых ударов моего сердца мне становится больно.

– Прятки, – шепчу я.

– Верный ответ, – произносит Кэш. – А ты помнишь, кто из нас постоянно проигрывал?

– Нет, – лгу я.

– Я всегда тебя находил.

Его рука движется дальше и спускается к верхней пуговице на рубашке. В холле уже никого нет, кроме меня и Кэша. Все ушли на занятия, и по моей спине пробегает холодок.

– Ты всегда плохо пряталась. Ты хотела, чтобы я тебя находил, не так ли? – он теребит мою пуговицу, и в моих глазах начинает щипать.

Передо мной возникают воспоминания из детства. *Наше идеальное время*. Мы были беззаботными и счастливыми, пока мне не пришлось уехать.

– Что ты делаешь? – я отступаю назад, но позади меня не остается свободного места. Боюсь, еще немного, и я провалюсь внутрь шкафчика. – Если ты не оставишь меня – я буду кричать.

Кэш наклоняет голову и зловеще усмехается:

– Твой отец запретил мне к тебе приближаться. Ты забыла, как я относился к запретам? – взгляд его синих глаз ужесточается. – Ничего не изменилось. Я поймаю тебя, прежде чем твой папочка успеет тебя от меня спрятать.

Сказав это, Кэш отступает назад и разворачивается.

– Беги на урок, принцесса. Хорошим девочкам не положено опаздывать, – бросает он перед тем, как уйти, ни разу не обернувшись.

*Клинтонский туннель** – сейчас уже заброшенный и покрытый граффити туннель когда-то был самым длинным в Массачусетсе.

*Музей замка Хэммонда*** – замок эксцентричного изобретателя с собственной внутренней системой управления погодой.

*Дом Пола Ревира*** – деревянное сооружение, построенное в 1680 году. Является самым старым зданием в Бостоне.*

*Бостонский душитель**** – прозвище ранее не установленного серийного маньяка, виновного в убийстве 13 женщин в Бостоне, штат Массачусетс в начале 1960-х годов. Преступления были приписаны Альберту ДеСальво на основании его признания, судебных разбирательств и экспертизы ДНК.*

Глава 3 «Кошмар»

Следующим днем вместе с водителем Патриком я еду по шестьдесят второму шоссе. Эта дорога ведет к плотине Вачусет. Она окружена лесным массивом, среди которого проложены старые железнодорожные пути и туннель.

Почти сто лет назад по нему следовали грузовые и пассажирские поезда. Но к концу пятидесятых годов перевозки прекратились. Железнодорожные пути оказались под завалами снесенного моста, и вскоре туннель Клинтон стал излюбленным пристанищем диггеров* и любителей граффити.

И сегодня я исследую его снаружи и изнутри.

Взяв рюкзак, лежащий рядом со мной на заднем сиденье, я открываю молнию и в очередной раз проверяю его содержимое. После этого перевожу взгляд на окно, замечая, что Патрик подъезжает к спуску плотины и паркуется рядом с белым Volvo. За его рулем сидит мужчина в строгом костюме, и я опускаю взгляд на дорожные номера. Внедорожник принадлежит семье Блаунтов, а это значит, что Джек приехал раньше меня.

Как бы цинично это не звучало, но я признаю, что использую Джека. Он нравится моему отцу. Поэтому папа без особых сложностей отпустил меня, чтобы я смогла снять видео в ужасающем для него месте – заброшенном туннеле.

И я уверена, что отец бы не стал возражать против съемок ночью на кладбище или в гостях у Сатаны. *Какая разница, ведь я буду с его любимчиком Джеком.*

– Кимберли, – говорит Патрик, разглядывая меня в зеркале заднего вида. – Мистер Эванс сказал, что ты будешь с мальчиком, и мне нужно дождаться тебя в машине. Но если хочешь, то я могу пойти вместе с тобой.

Он тщательно подбирает свои слова, потому что его последнее предложение явно противоречит тому, что ему велел делать мой отец.

– Спасибо, Патрик, но тебе не надо переживать, – я встречаюсь в отражении зеркала с его обеспокоенным взглядом. – Я буду с Джеком.

Я набрасываю на плечи рюкзак и выбираюсь из машины. Снаружи меня дожидается Джек, одетый в синюю куртку и джинсы, заправленные в высокие ботинки. Его светлые волосы зачесаны назад, а на губах расплзается улыбка.

– Поверить не могу, что наша первая встреча будет в заброшенном месте.

Ох, спасибо, что ты не назвал это свиданием.

– У нас в запасе не так много времени, – я смотрю на наручные часы. – Нам следует отправиться прямо сейчас, чтобы успеть до заката.

– Как скажете, ваше высочество, – посмеивается Джек, и мы начинаем свой путь по пустынной дороге.

Ни одна машина не движется нам навстречу, отчего шоссе кажется мертвым. Это место отлично подходит для съемок фильмов про пост-апокалипсис. Я отчетливо слышу, как хрустят мелкие камни под подошвами моих кроссовок.

Осенний ветер треплет мои волосы, посылая мурашки по шее и пробираясь через толстовку. Если бы со мной была мама, она бы непременно сказала, чтобы я надела что-нибудь потеплее. Но мне всегда нравился холод. При низкой температуре лучше работают мозги.

– Нам нужно спуститься по этому склону, – я указываю Джеку на каменные руины, находящиеся справа от дороги.

Согласно записям на форуме диггеров, рядом с каменными подпорками проходят старые железнодорожные пути. По ним легко можно отыскать вход в туннель, расположенный под небольшим уклоном.

Джек спускается первым и всячески старается мне помочь пройти через преграду из сорняков, растущих по пояс. Его рука дотрагивается до моей, но я выдергиваю ладонь. Я избегаю прикосновений и не люблю, когда нарушаются мои личные границы.

Наконец мы добираемся до разрушенных каменных опор. Среди пожелтевшей высокой травы и деревьев я пытаюсь разглядеть старые рельсы. Но моему зрению доступны лишь руины столпов, оставшихся от моста, который снесли больше пятидесяти лет назад.

Может быть, большинству эта местность покажется отталкивающей, изуродованной. Однако я вижу в ней особенную красоту. Природа не отказывается от того, что стало непригодно человечеству. Ее сложно сломать, и каждый раз она демонстрирует свою силу.

– Выглядит стремно, – бормочет Джек. – Почему ты выбрала именно это место?

– Мне хочется опровергнуть местную легенду о привидениях. Ходят слухи, что десятки лет назад здесь были жестоко убиты тринадцать подростков. Говорят, их крики до сих пор слышат водители, когда проезжают по трассе.

– Жесть, – Джек поворачивается ко мне с тревожным лицом. – Ты веришь в эту легенду? Я улыбаюсь и качаю головой. Мама всегда говорила, что у меня странное чувство юмора.

– Я пошутила. Если идти по туннелю и смотреть вперед, то создается оптическая иллюзия, и туннель кажется бесконечным. Я хочу это проверить.

– Ф-у-у-ух, – Джек облегченно выдыхает. – Это версия мне нравится больше.

Он снова идет впереди меня, его шея напряжена. Джек вздрагивает при каждой треснутой ветке под обувью. Похоже, мне не стоило шутить про привидения.

Раздается еще один треск, и вдруг мой затылок начинает покалывать. Это похоже на лезвие, медленно рассекающее кожу. Я оборачиваюсь и застываю, вглядываясь в каменные руины и стволы деревьев, покачивающихся на ветру. *Здесь так много мест, чтобы спрятаться.*

– Кажется, я нашел вход в туннель.

Голос Джека отвлекает меня от тревожных мыслей. Я обнимаю собственный торс и стараюсь поскорее догнать Джека.

– Где он? – спрашиваю я, пытаюсь скрыть свою дрожь.

– Вот рельсы. И они ведут вон к тому пригорку, – отвечает Джек таким тоном, словно я не замечаю очевидного.

– Отлично, – я прибавляю шаг. – Скорее всего, за ним находится туннель.

Спустя несколько минут мы добираемся по дорожке, покрытой слоем листьев и упавших ветвей, к чему-то подозрительно похожему на вход в пещеру. Его стены отделаны крупными старыми камнями, изрисованными граффити. Внутри крошечная тьма. Лишь в отдалении я

вижу белый подсвечивающийся кружок – выход из противоположной стороны подземелья. В воздухе стоит влажный затхлый запах.

– Длина этого туннеля почти две тысячи мили, – я снимаю рюкзак с плеч и ставлю его на землю. – Зарядки на квадрокоптере должно хватить, чтобы снять местность с высоты птичьего полета, а затем пролететь по туннелю от начала и до конца.

– Квадрокоптер? – переспрашивает Джек, и в его тоне я улавливаю что-то близкое к облегчению. – Получается, мы не будем заходить внутрь?

– Нет. Мы останемся здесь.

Я стягиваю чехол с рюкзака, расстегиваю стропу и снимаю квадрокоптер. Расправив на нем хвосты, я устанавливаю дрон на земле и подключаю телефон к пульту управления. У меня достаточно опыта в аэросъемке, но под землей я буду снимать впервые. Поэтому я дольше обычного настраиваю режим в приложении и выбираю подходящий фильтр для видео.

Отметив отправную точку, я запускаю дрон, и он с жужжанием поднимается вверх. Несколько минут я снимаю заброшенные окрестности на уровне примерно пятого этажа. На экране телефона это запустевшее место выглядит впечатляюще.

На высоте всегда все кажется завораживающим. В этом плане я завидую птицам.

Внезапно я слышу рядом с собой щелчок. Обернувшись через плечо, я вижу, как меня фотографирует Джек на свой телефон.

– Давай, договоримся: в следующий раз ты не будешь так делать, – сердито говорю я, наблюдая, как его светлая бровь ползет вверх.

– Ты не любишь фоткаться?

– Я не люблю, когда меня фотографируют без моего согласия, – уточняю я.

– Обычно, девушкам нравится, когда их снимают. Прости, я не знал, что это расстроит тебя.

Джек убирает мобильный в карман куртки и одаривает меня извиняющейся улыбкой. Он довольно милый и в меру симпатичный по мнению десятиклассниц. Я заметила, как многие девочки в школе с интересом посматривают на него. Но для меня в нем ничего особенного. Как и во всех остальных парнях.

Ладно, я переоценила свое безразличие. Кэш Аматорио – особый случай. О нем сложно *не думать*.

Вчера я столкнулась с ним в академии, и после этого мне с трудом удалось взять себя в руки. Мысленно я все время возвращалась к нашему разговору. Я сидела за ужином с отцом в гостиной с новыми окнами и думала о Кэше.

Точнее, о его угрозе.

Я поймаю тебя, прежде чем твой папочка успеет тебя от меня спрятать.

Что Кэш имел в виду? Мы уже не дети, и я достаточно взрослая, чтобы участвовать в его играх.

– Кимберли, все в порядке?

Я заставляю себя поднять взгляд, посмотреть Джеку в глаза и улыбнуться. В конце концов, он прав. Многие девушки любят фотографироваться. Джек не виноват в том, что я слишком усердно оберегаю собственные границы.

– Джек, – я слглатываю ком в пересохшем горле. – Прости мою грубость.

Он делает шаг в мою сторону, протягивает руку и дотрагивается до моей щеки. Его большой палец прочерчивает круг на моей коже, и я невольно поеживаюсь.

– Как ты могла такое подумать? – Джек улыбается. – Разве ты можешь быть грубой? Ты – прелесть.

И снова у меня возникает знакомое до тошноты чувство. Будто невидимое жало впивается в затылок, и от его яда внутри меня все свербит. Я отстраняюсь от Джека, стараясь замас-

кировать хаос, охвативший меня по необъяснимой причине. Оглядываюсь по сторонам, но не вижу чего-либо подозрительного.

– Пора отправлять дрон, – с помощью консоли я запускаю квадрокоптер в арочный вход подземелья.

Я устанавливаю яркость подсветки на максимум, чтобы осветить темное пространство туннеля. Его пол завален мусором и обломками, а стены изрисованы граффити. Особенно ярко среди них выделяется кроваво-красная надпись: «Ты должна умереть».

Внутри меня все холодеет. Я представляю, как кто-то шепчет мне эти слова, и по спине пробегает холодок.

– Ну и жуть, – бормочет Джек, наблюдающий вместе со мной за полетом квадрокоптера на телефоне.

Зажав нижнюю губу между зубами, я прибавляю скорость на дроне. Он пролетает над лужами, мерцающими от его подсветки. В черной воде плавает мусор, посреди которого виден одинокий плюшевый мишка.

Вскоре карта в приложении указывает, что дрон преодолел середину туннеля. Мне становится чуточку легче. Еще половина пути, и я верну квадрокоптер к отправной точке. И тогда можно будет возвращаться домой.

Я направляю камеру прямо, чтобы видео показывало выход из туннеля. Мне кажется, что белое светящееся пятно действительно не растет по мере продвижения дрона вперед. Будто мгла поглощает маленькое окно света и не думает его отпускать. Я сбрасываю скорость на дроне, чтобы снять этот оптический эффект в малейших деталях.

Внезапно в камере показывается чья-то тень, и через мгновение на экране все гаснет.

– Что это? – выдыхаю я.

Карта показывает, что квадрокоптер вылетел из зоны видимости. Я запускаю функцию возвращения дрона, но ничего не происходит. Приложение не может определить его координаты. Гнетущее чувство закрадывается ко мне в грудь.

– Что случилось?

– Дрон пропал с карты и не может вернуться, – я пытаюсь еще раз восстановить соединение. – И мне показалось, что в этот момент кто-то был в туннеле.

– Что? – громко переспрашивает Джек. – Кто-то находился в туннеле?

– Похоже на то, что я видела на камере чей-то силуэт.

– Это невозможно, – нервно посмеивается Джек. – Кому понадобилось сидеть в заброшенном месте?

Если бы я знала...

Я снова пытаюсь вернуть дрон, но связь с ним отсутствует. Я перевожу взгляд с экрана смартфона и смотрю прямо перед собой. Отсюда туннель кажется непостижимо черным, бездушным, скрывающим свои тайны, похороненные во мгле. Мое сердце бьется быстрее, когда я слышу слабые удары падающих капель с потолка подземелья.

Я опускаю взгляд и рассматриваю носки своих белых кроссовок. Надо быть полной идиоткой, чтобы отправиться за дроном без соответствующей обуви. Из-за подземных вод внутри туннеля образовались болота.

Но я будто одержима сверхъестественной силой. Я делаю шаг вперед, второй, третий, и тяжелый влажный воздух сменяется легким порывом ветра, дующим в лицо и развевающим мои волосы.

– Кимберли, что ты делаешь? Ты собираешься отправиться за дроном? – Джек хватается за локоть, чтобы остановить.

– Квадрокоптер пролетел середину туннеля, и скорее всего у него села зарядка. Я должна вернуться за ним, – отвечаю я, но вдруг позади меня раздается громкий мужской голос.

– Никто никуда не пойдет.

От неожиданности я вздрагиваю и оборачиваюсь. Неподалеку от нас стоят Патрик и водитель Джека. Оба мужчины напряженно всматриваются в темноту туннеля, а потом переводят на нас взгляд.

– Вам не стоило уходить так далеко. Здесь может быть опасно, – на меня укоризненно глядит Патрик. – Мы должны вернуться домой.

Кивнув, я складываю в рюкзак пульт от дрона и телефон. Прохожу мимо Патрика, игнорируя его комментарий. *Если бы мы не подошли так близко к туннелю, не было бы смысла сюда приезжать.*

Спустя несколько минут мы выбираемся на железнодорожные пути, и я в последний раз оборачиваюсь через плечо. Надписи на стенах вокруг входа в туннель отсюда кажутся мрачными и зловещими. Ветер усиливается, и дрожь пробегает по моей спине.

Я чувствую, как из крошечной тьмы на меня кто-то смотрит.

Мерцающие блики от подсветки на лужах, темно-серые стены, светящийся выход из туннеля. И чья-то тень.

Всего доля секунды, но на камеру дрона попал неизвестный. Тот, кто не хотел, чтобы его снимали. *Либо тот, кто хотел, чтобы я вернулась за своей вещью...*

Я убираю телефон на прикроватную тумбочку и потираю уставшие глаза. Вместо того, чтобы сделать домашнее задание, я весь вечер просматривала видео. На нем не было видно лица или какой-либо детали, по которой можно было бы опознать личность.

Все, что я могу сказать про него – с большой вероятностью это мужчина или парень. Он достаточно высокого роста и довольно крепкого телосложения. Если не брать в расчет то, что в заброшенный туннель часто наведываются диггеры, то этим человеком может оказаться... *неизвестный поджигатель.*

Очевидно, что фейерверк на заднем дворе и подземелье не имеют между собой ничего общего. Кроме того, что в обоих случаях я ощущала на себе чей-то взгляд. Я отчетливо помню, как горел мой затылок перед тем, как я отправилась танцевать с Джеком, а потом в дом ударил залп от салюта.

И сегодня, когда я шла к туннелю, когда управляла дроном, когда разговаривала с Джеком – в эти мгновения я явно чувствовала, как кто-то смотрел на меня.

Я качаю головой и поудобнее устраиваюсь в постели. Этот день выбил меня из колеи, и мне нужно отдохнуть и набраться сил. Я закрываю глаза, стремясь провалиться в сон, как можно скорее.

Я слышу приглушенный звук шагов. Первый, второй, третий...

Повернувшись на бок, я глубоко вздыхаю. Обычно, моя соседка по комнате в школе Королевы Анны крепко спит и, как правило, не страдает лунатизмом. И зачем ей вообще нужно забирается в мою кровать?

Я оборачиваюсь на шорох простыни, но реальность хлещет меня отменной оплеухой.

Ты больше не учишься в пансионе для девочек. Ты в собственной спальне, тупица! И здесь кто-то есть!

Мое сердце подкакивает к горлу. Я собираюсь закричать во всю силу легких. Но чья-то рука зажимает мой рот, а тело придавливается в матрас чем-то тяжелым. Крик теряется между плотно сжатыми губами. Я извиваюсь и пытаюсь выбраться, пока мой взгляд не впивается в того, кто заставляет меня молчать.

Кэш.

Оцепенение захватывает меня целиком и полностью. Я бы глубоко вздохнула, если бы он не зажимал мой рот. Что он здесь делает?

– Привет, принцесса, – говорит Кэш, как ни в чем не бывало.

Свет от фонарей во дворе попадает через окно на его лицо. Особо выделяются его точечные высокие скулы, мягкие губы и глаза под темными бровями. Они блестят и смотрят в мои. При других обстоятельствах я бы назвала Кэша красивым, но сейчас единственное, что мне хочется ему сказать – чтобы он сделал себе лоботомию.

– Помнишь, как ты оставалась на ночь в гостях в спальне Грейс и просила меня прийти к тебе ночью?

– Мы были детьми! – рычу я в его ладонь, но выходит унижительное мычание.

– Ты просила рассказать тебе сказку перед тем, как уснуть. И мы болтали всю ночь до рассвета.

Я пытаюсь его сбросить, но Кэш гораздо сильнее меня. Он наклоняется к моему лицу и шепчет так тихо, что я с трудом его слышу:

– Я готов рассказать тебе еще одну сказку. Как монстр забрался в башню к принцессе и лишил ее чести под носом у короля.

Кэш придвигается еще ближе, зарывается лицом в мои волосы и делает прерывистые частые вздохи, как охотничий пес.

– М-м-м, – его голос адски вибрирует на моей коже. – Ты всегда так хорошо пахнешь?

Мне удается освободить из-под него руку и ударить его по спине. Я пытаюсь оттолкнуть от себя Кэша, но он обхватывает мое запястье и резко заносит его над моей головой. Он проделывает тоже самое со второй рукой, и я пользуюсь случаем.

– Па-п-а-а-а! – я кричу так громко, как только могу.

Кэш вновь заставляет меня замолчать. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, как его губы накрывают мои. Я не успеваю перевести дух, как Кэш отстраняется так же внезапно, как заткнул мой рот.

– У твоего папочки есть три минуты, чтобы проснуться и выбить дверь в твою спальню. Знаешь, как много вещей можно успеть сделать за три минуты?

Одной рукой Кэш удерживает мои запястья, а второй сжимает шею. Его пальцы смыкаются на моей коже, пока большой палец надавливает на пульсирующую вену.

– Что ты собираешься делать? – испуганно спрашиваю я.

На губах Кэша появляется мрачная улыбка. Я поднимаю взгляд на его глаза, но слишком поздно. Кэш снова прижимается к моим губам. Он проводит по ним языком сильно и требовательно, принуждая раскрыться. Я пытаюсь отвернуться, но Кэш крепко удерживает меня за подбородок и кусает нижнюю губу.

Я раскрываю рот от вспышки боли. Его язык проникает в меня и соприкасается с моим. Раньше мысль, что чужой язык будет орудовать в моем рту, казалась для меня ужасно отталкивающей. Но то, с какой поражающей уверенностью Кэш исследует и ласкает мой рот, заставляет усомниться в обратном.

Голова начинает кружиться от незнакомого, но интимного ощущения. Кэш углубляет поцелуй, и мое дыхание становится прерывистым. Мне нужно оттолкнуть его от себя, прекратить это безумие. Я замираю в ожидании отворачивания или чего-то подобного. Но ничего такого не происходит.

Скорее наоборот, моя каждая частичка воспламеняется от поцелуя и близости Кэша. Его твердые крепкие мышцы отчетливо ощущаются под одеждой, когда я прижимаясь к нему. Так близко, что в груди зарождается нечто жаркое и прекрасное. Нечто, что заставляет меня ответить на его поцелуй.

Я неумело подражаю движениям его языка. Увлекаюсь и втягиваю его нижнюю губу в рот, зажав между зубами. Кэш сдавлено стонет в мой рот и опускает руку ко мне на живот. Его ладонь медленно движется вниз и проводит по моему бедру, постепенно задирая сорочку.

– Тебя еще никто не целовал здесь, принцесса?

Кэш ныряет под одеяло, и я нервно прикусываю нижнюю губу. Неужели я позволю случиться безумию? Неужели Кэш осмелится это сделать, когда в мою комнату с минуту на минуту может ворваться отец...

– Нет!

Мои глаза распахиваются, я резко усаживаюсь в постели и смотрю перед собой, вглядываясь в темноту спальни. Как только я осознаю, что в моей кровати нет Кэша, из моей груди вырывается глубокий вздох.

Это был сон.

Сон, который преследует меня вторую ночь подряд. Сон, в котором все кажется ужасно реальным. Его голос, его прикосновения, тепло его тела... Я дотрагиваюсь до своих губ и мысленно ужасаюсь. Мне кажется, они до сих пор горят от поцелуя.

Я перевожу дыхание, но внезапно отползаю назад и прижимаюсь спиной к изголовью кровати. Мне нужно закричать. Истошно заорать. Завопить во все горло. Но мой язык прилип к небу, я словно утратила способность шевелить им.

В полумраке комнаты я вижу, как за моим рабочим столом кто-то сидит.

*Диггерство** – исследование подземных убежищ и других подземных объектов. Людей, занимающихся диггерством, называют диггерами.

Глава 4 «Я никому не скажу»

– Я же сказал, что твой папочка не сможет тебя от меня спрятать.

Я забываю, как дышать. В моей комнате находится Кэш, и я испытываю самые противоречивые чувства. Что у него на уме? Зачем он пробрался в мою спальню? Кроме того, я отчетливо ощущаю, как кровь приливает к щекам. Мне становится стыдно от своих сновидений.

– Что ты здесь делаешь? – слегка охрипшим голосом спрашиваю я.

Кэш игнорирует мой вопрос и включает настольный светильник. Пространство спальни заполняется мягким рассеянным светом. Теперь я вижу, как Кэш смотрит на меня, расслаблено усевшись на стуле. Одна его нога согнута в колене и закинута на другую, так безмятежно и непринужденно, словно это я нахожусь в его комнате. На нем черная толстовка, темно-синие джинсы и кроссовки.

– Что тебе снилось, принцесса?

Лучше ему этого не знать!

– Кошмар, – лгу я.

И я точно не смогу выбросить его из памяти в ближайшее время. Пускай, Кэш поцеловал меня во сне без моего согласия, но я ответила на поцелуй.

Я. Ответила. На его. Поцелуй.

Кэш наклоняет голову набок и проводит указательным пальцем по линии подбородка, продолжая неотрывно смотреть на меня. После чего тянется к одной из моих книг, лежащих на столе, и начинает неспеша пролистывать страницы.

– Ты читаешь на ночь про серийных убийц. Неудивительно, что тебе снятся кошмары.

Своим замечанием Кэш окончательно выводит меня из шока. Кем он себя возомнил, решив, что ему все дозволено? Он забрался в мою спальню. Вероятно, наблюдал за мной, когда я спала. И вдобавок копается в моих книгах!

– Ты не должен был сюда забираться и тем более не должен прикасаться к моим вещам, – произношу все на одном выдохе. – Уходи, пока я не закричала на весь дом.

– Почему ты до сих пор не сделала этого?

Зловещий шепот моментально звучит у меня в голове: «*Ты знаешь, как много вещей можно успеть сделать за три минуты?*»

Кэш ведь не повторит со мной того, что совершил во сне? Хотя, мне не стбит этого выяснять.

– Я не хочу беспокоить папу, ясно? – с непривычным для меня вызовом отвечаю я. – Я не собираюсь будить его из-за такого психа, как ты.

На мою реплику Кэш тихо хмыкает и внимательно осматривает комнату. Мою форму, висящую перед зеркалом, и которую я заранее подготовила для завтрашнего учебного дня. Мои книги, аккуратно разложенные на столе. Мои фотографии, прикрепленные к стене рядом с расписанием. На самом деле снимков не так уж и много, и в основном все они детские.

– Ты до сих пор хранишь нашу фотографию с Рождества, – задумчиво произносит Кэш скорее больше для себя, чем для меня.

Мое терпение подходит к концу. Сорвав с себя простынь, я встаю с кровати, одергивая подол сорочки, однако она совершенно не скрывает моих оголившихся ног.

Меня тут же охватывает раздражение. Разве я должна волноваться, что меня увидит Кэш в таком виде? Уверена, он был свидетелем более откровенных участков тела у девушек.

Я подхожу к Кэшу и вырываю из его рук свою книгу.

– Только из уважения к нашему прошлому я не стану устраивать скандал. Уходи отсюда. Немедленно!

– Только из уважения к нашему прошлому я не стану делать того, что хотел сделать.

– И что ты собрался делать? Зачем ты вообще забрался в мою спальню? – я стараюсь держаться спокойно, подавляя в себе желание проехаться книгой по его ухмыляющемуся лицу.

Кэш пожимает плечами.

– Я уже говорил. Твой отец запретил мне к тебе приближаться, а я ненавижу запреты.

– Все дело в банальном запрете? Как минимум, это неоригинально. Я думала у тебя более богатое воображение.

– Что ты еще думала обо мне? – спрашивает Кэш, пока его глаза нагло скользят по моим ногам.

Я тут же поджимаю пальцы на ступнях. Мне явно не нужно было говорить последнее предложение. Неужели, я настолько плоха в том, что пытаюсь утаить от Кэша?

– Не лести себе. Я совершенно не думаю о тебе, – я кладу книгу на стол, чтобы не запустить ею в Кэша, и добавляю. – Не считая того, что ты ведешь себя по отношению ко всем, как подонок.

Обычно, я более дружелюбна с людьми и не употребляю подобных слов. Но Кэш заслуживает такого обращения. Вчера он унизил старшеклассницу на парковке, в академии запустил мяч в Джека, а сегодня ночью бесцеремонно забрался в мою спальню. *И в мой сон.*

Внезапно Кэш протягивает руку и обхватывает мое запястье. Я ахаю, когда он усаживает меня к себе на колени и сжимает талию, притягивая близко к себе. Так близко, что между нами остаются крохотные, ничтожные дюймы пространства.

– Ты понятия не имеешь, каким я могу быть подонком, – шепчет Кэш, и в тишине спальни он звучит, как гудок поезда. – Но я никогда не буду таким с тобой. С кем угодно, но не с тобой.

Я упираюсь в его грудь руками. Три года назад он вычеркнул меня из своей жизни. А теперь заявляет, что я для него что-то значу. Зачем Кэш разбрасывается такими словами? Неужели он думает, что я в это поверю?

– Отпусти меня, – шиплю я себе под нос.

Кэш не дает мне освободиться. Крепче сжимая мою талию, он настойчиво удерживает меня у себя на коленях. Стиснув зубы, я пытаюсь соскользнуть по его бедрам в надежде отстраниться. Я чувствую, как подо мной напрягается Кэш.

– Ким... – низко рычит он. – Еще несколько твоих движений, и я не буду сдерживаться, черт возьми.

– Не будешь сдерживаться в чем? – я непонимающе смотрю на него.

Кэш поднимает руку и приближает ее к моему лицу. С обманчивой нежностью он проводит по моей скуле, а потом грубо обхватывает подбородок. Я замираю и прекращаю попытки

освободиться. Я смотрю в его глаза. В его жестком взгляде нет ничего от того маленького мальчика, которого я помню из детства. И вместе с тем цвет его глаз остался прежним.

Прекрасный, глубокий, синий.

– Кимберли, можно войти? – раздается стук в дверь.

Мое сердце в груди перестает нормально функционировать. Оно дико бьется, и пульс ударяет по вискам.

Если мой отец застанет меня наедине с Кэшем, то беды не избежать. Отец превратит мою жизнь в тюрьму. В тюрьму, в которой я должна безропотно сидеть и ждать, когда меня вытащит будущий муж.

– Папа может тебя увидеть, – одними губами произношу я, испуганно глядя на Кэша. – Уходи!

Любой другой парень, незаконно пробравшийся в чужой дом, избежал возможности столкнуться с его хозяином.

Но только не Кэш.

На его лице не отображается какой-либо признак беспокойства или тревоги. Такое ощущение, что ему абсолютно плевать, если мой отец зайдет в комнату. Кэш продолжает крепко держать мой подбородок и неотрывно смотреть на меня.

– На что ты готова пойти, чтобы твой папочка не увидел меня? – спрашивает он, и за этот наглый вопрос мне хочется его придушить.

– Ты должен уйти прямо сейчас, – настойчиво повторяю я.

– Мы оба знаем, что я не сделаю этого, пока не получу то, зачем пришел, – заявляет Кэш, и его хватка на моем подбородке усиливается. Боюсь, отпечатки его пальцев могут остаться на коже.

– Что тебе нужно?

– Я хочу узнать, какая моя принцесса на вкус.

– Что это значит?

Кэш убирает руку с талии, обхватывает мою ладонь и кладет ее мне на колено. Управляя моей рукой, он двигается выше и подбирается к краю сорочки. Я поджимаю пальцы на ступнях, когда моя рука под его руководством начинает скользить по внутренней стороне бедра.

– Это значит, что ты приласкаешь свою киску, а потом дашь мне попробовать, – говорит Кэш, и его низкий грубый тембр ударяет по моим барабанным перепонкам. – Держу пари, мне будет трудно оторваться от твоих сладких пальчиков, измазанных соками.

Я открываю рот и тут же закрываю его, теряя дар речи. Не могу поверить, что он мне только что предложил такое бесстыдство!

– Я не стану этого делать, – бормочу я и одергиваю его руку.

Кэш пожимает плечами.

– Твой выбор. Тогда я останусь здесь и поприветствую твоего папочку.

Дверная ручка начинает дергаться, и я одновременно благодарю и проклиная себя за свою привычку закрывать спальню на ключ.

– Кимберли, ты спишь? – спрашивает отец.

– Ты не можешь так со мной поступить! – я яростно смотрю на Кэша и принимаю еще одну попытку освободиться.

Но он продолжает крепко держать меня за подбородок и придвигается вперед. Моя грудь сжимается. Кэш так близко, что я чувствую его теплое дыхание, скользящее по моей коже. Вижу его глаза с золотистыми вкраплениями внутри синей радужки.

– На самом деле у тебя есть еще один вариант, чтобы я ушел незаметно от твоего папочки.

– Какой вариант? – спрашиваю я. Если он сейчас произнесет очередную мерзость, клянусь, я убью его.

Кэш внимательно наблюдает за мной. Его жесткий взгляд сосредоточен на моих чертах лица, будто он пытается оценить реакцию. Он проводит языком по губам и тихо, но уверенно произносит:

– Поцелуй.

По сравнению с тем, что Кэш предложил ранее, это не звучит так отталкивающе и безобразно. Но я все равно не хочу вестись на его манипуляции.

– Кимберли, открой, – отец громче стучит в дверь. – Мне нужно с тобой поговорить.

Моя надежда на то, что папа в конце концов перестанет барабанить в дверь и уйдет, бесследно растворяется в воздухе. От напряжения я сжимаю челюсти так сильно, что у меня болят десны и зубы. Ненавижу, что мне придется идти на поводу у Кэша. Но если я соглашусь, то на своих условиях.

– На этот раз ты выиграл, – мой голос неровный и нервный. – Ты можешь меня поцеловать. Но не в губы.

Кэш улыбается.

– Ты хочешь, чтобы я поцеловал твою киску? Я не стану этого делать быстро, принцесса. Даже если твой папочка вышибет дверь, я все равно не смогу от тебя оторваться.

– Я имела в виду другое! – шиплю я. – Это может быть запястье, плечо, шея...

Я замолкаю, чтобы не спровоцировать больную фантазию Кэша.

– Хорошо, – он в последний раз сжимает мой подбородок, прежде чем его отпустить. Спустя секунду его сильные пальцы смыкаются на моей шее. – Я выбираю то место, где бьется твой пульс.

Кэш наклоняет голову набок, его веки слегка опускаются. Я перестаю дышать. Он вот-вот меня поцелует.

Проходит мучительное мгновение, когда Кэш утыкается лицом в изгиб моей шеи. Его пальцы запутываются в волосах, заставляя меня запрокинуть голову, а сердце биться в стократ быстрее. Кэш находит мой пульс и кончиком языка оставляет горячий след на чувствительном месте прямо над сонной артерией. Его твердая грудь упирается в мою, мы так близко друг к другу, и от соприкосновения наших тел мне хочется закрыть глаза.

Я делаю глубокий вдох. Темный, пьянящий парфюм дразнит нос, и в этот момент я не могу вспомнить названия запахов. В моей голове почему-то вырисовывается картина черного дыма, поднимающегося в звездное небо из-за пожара. И посреди языков пламени нахожусь я, сидящая верхом на Кэше. Он целует меня, впиваясь зубами в шею.

Желая избавиться от этого образа, я трясую головой. Кэш сильнее сжимает в кулак мои волосы на затылке, пока его губы вместе с горячим дыханием медленно касаются моей кожи. В этот момент я не доверяю себе. Я не понимаю, что со мной происходит.

Мой пульс отдает во всех местах тела: в ушах, висках, кончиках пальцев, губах и даже... между моих ног. Покалывающий жар нарастает внизу живота, и я смущаюсь своих желаний.

Какая-то часть меня хочет оттолкнуть от себя Кэша. А другая глупая часть хочет притянуть его к себе, чтобы его полные губы оказались на моих. *Как в моем безумном сне.*

– Твой пульс зашкаливает у основания горла. Ты хочешь меня, принцесса.

– Единственное, что я хочу – чтобы ты ушел, – едва слышно произношу я из-за дрожащего голоса.

Кэш тихо хихикает под нос, его рука скользит вниз по шее, достигает груди, и я перехватываю его запястье.

– Ты получил то, что хотел. Теперь уходи.

– О, я даже близко не подошел к тому, что хотел.

– Кимберли! – снова раздается настойчивый стук в дверь. – Открой, сейчас же!

Кэш отстраняется от меня, и я вижу его потемневшие глаза и нижнюю губу, зажатую между зубами.

– Не бойся, принцесса, – шепчет он. – Я никому не скажу, что ты ждала моего поцелуя. Он отпускает меня, и я едва не валюсь на пол. Но мне удастся сохранить равновесие и остатки своего достоинства.

– Я не ждала твоего поцелуя. Забудь об этом раз и навсегда.

Кэш встает в полный рост и берет одну из моих книг. Медленно, будто у него полно времени, он отходит к окну и перекидывает ногу через подоконник. Прежде чем выбраться наружу, он качает головой и бормочет:

– Хотелось бы забыть, Кимберли. Но не могу, – с этими словами он исчезает в ночи.

Моя кожа все еще горит от прикосновений его рук, губ и языка. Я пропускаю пальцы между прядями и стараюсь скрыть шею распущенными волосами. Что происходит в голове Кэша? Почему он так поступает со мной? И самое главное, почему он выбрал меня в качестве игрушки для своих грязных манипуляций?

Раздается очередной громкий стук, и я отступаю к входной двери. Я слегка приоткрываю ее, придав себе сонный вид. Сквозь прищуренные глаза я вижу, как у порога моей спальни стоит отец. Вероятно, он вернулся с работы, поскольку на нем деловой костюм.

– Уже почти половина первого, – строго произносит отец. – Почему ты не спишь?

– Я спала, – я прикрываю рот рукой, фальшиво зевая. – Ты стучал в дверь и разбудил меня.

– Тогда почему у тебя горит свет?

– Я уснула, когда делала уроки. Сегодня был тяжелый день, и я устала.

– Как ты провела вечер? Ты сделала видео для презентации?

Перевожу: отправилась ли я снимать туннель, и был ли со мной Джек.

– Я сняла видео, но потеряла квадрокоптер. Я хотела отправиться искать его в туннеле, но меня остановил Джек.

– Джек хороший парень, – отец одобрительно кивает. – Он пригласил тебя на второе свидание?

Я заставляю себя не поморщиться от слова "свидание".

– Джек сказал, чтобы я выбрала ресторан для следующей встречи.

Как только я заканчиваю говорить, из глубины комнаты раздается грохот. Я медленно оборачиваюсь и всматриваюсь в темноту спальни.

– Что это? – спрашивает отец и, не дожидаясь моего ответа, проходит внутрь.

Он оглядывает комнату, и я замечаю, как край шторы развевается в воздухе из-за открытого окна. Похоже, именно оно и захлопнулось с грохотом от сквозняка.

– Я забыла закрыть окно на ночь, – делаю несколько быстрых шагов и захлопываю створку, глядя через стекло на задний двор.

Уличные фонари бросают мягкий желтый свет на фонтан и стволы деревьев в саду. Среди них я замечаю удаляющуюся темную фигуру Кэша. Он останавливается, оборачивается через плечо и поднимает взгляд на мое окно.

Не бойся, принцесса. Я никому не скажу, что ты ждала моего поцелуя.

– Ты уже выбрала ресторан?

За моей спиной появляется отец, и я поворачиваюсь к нему. Мысленно я благодарю себя за то, что не поддаюсь волнению и внешне держусь невозмутимо.

– Я не думаю, что это хорошая идея.

– Почему? – отец хмурится.

– Из-за того, что я перевелась в другую школу, мне предстоит навестить много пропущенного материала. У меня нет времени на встречи с мальчиками.

– Помнишь, что я тебе говорил? В руках Блаунтов не только большие деньги, но и рычаги давления, – ворчит отец. – На прошлой неделе у них вышел новый выпуск журнала. Ты знаешь, чей снимок был на обложке?

– Нет.

– Кэш Аматорио, – рывкает отец. – Мелкий засранец избил какого-то парня в ночном клубе, и это просочилось в прессу.

Я вспоминаю об опубликованной статье в интернете. И какое она имеет ко мне отношение?

– Этот снимок потянул за собой недовольство аукционеров, – продолжает разглагольствовать отец. – Компания Маркоса может понести убытки на круглую сумму. А я ведь предупредил его, что он дает своим сыновьям слишком много свободы! Он слишком много им позволяет!

– Маркос умный и взрослый мужчина. Думаю, он лучше знает, как решать проблемы со своими детьми.

От моей честности у отца дергается лицевой мускул, и он принимается еще сильнее ругать Аматорио, а заодно и меня за то, что я должна ненавидеть каждого из них вместо того, чтобы их защищать.

– Кимберли, ты должна согласиться на свидание с Джеком, – произносит отец в конце своей пламенной речи, и я не могу не заметить настойчивость в его тоне. – Это не обсуждается.

– Хорошо, – сквозь зубы выдавливаю я.

– Я знал, что ты умная девочка. Доброй ночи, – отец разворачивается, собираясь уйти.

– Папа, подожди, – я останавливаю его. – Как дела у Голди?

Так зовут мою собаку. Это очаровательное создание лисье-рыжего окраса, весом почти восемьдесят фунтов и двадцать три дюйма в холке. Я его безумно люблю. И я не колебалась ни секунды, чтобы оставить лабрадора в Англии.

Мама не питала к нему каких-либо чувств. В принципе, как и ко всем остальным живым существам. Поэтому она не стала возражать, чтобы я забрала с собой в Бостон "мерзко линяющего пса".

Однако возникла проблема. У отца выявилась жуткая аллергия на собачью шерсть. Он настоял на том, чтобы отдать Голди в приют. Я была вынуждена согласиться, но с условием, что отец пристроит Голди в хорошие руки, а я заберу собаку себе, как только у меня появится возможность жить отдельно.

– У твоего пса все хорошо, – отец достает из кармана брюк телефон и снимает блокировку с экрана. – Я нашел ему новый дом.

Он показывает фотографию, где девочка примерно десяти лет на вид крепко обнимает *моего Голди*. Я ненадолго зажмуриваю глаза, чтобы сдержать слезы.

Из-за того, что я раньше училась в частной закрытой школе, я могла неделями не видеть Голди. Но я знала, что по возвращению домой, меня всегда встретит мой друг.

Но сейчас у меня на груди постоянная тяжесть. Я чувствую себя предателем с тех пор, как въехала на территорию собачьего приюта. Единственное, что меня останавливает от того, чтобы не впасть в уныние – мое обещание.

Я клянусь, что верну Голди. Чего бы мне это не стоило.

– Я знаю, что тебе грустно, – отец похлопывает меня по плечу. – Но у Голди все хорошо. У него новый дом и хозяин. Это намного лучше, если бы он остался в приюте.

– Я могу увидеть его?

– Давай поговорим об этом в следующий раз, – произносит отец, и вокруг его рта образуются глубокие морщины. Он кивает в сторону входной двери. – Сейчас слишком поздно, и пора спать.

Я отступаю назад и киваю.

– Доброй ночи, – бормочу я, раздосованная тем, что папа так и не дал мне конкретного ответа.

Я смотрю, как отец выходит из комнаты, а затем перевожу взгляд на окно. На заднем дворе Кэша не видно. Я плотно задергиваю штору и возвращаюсь к кровати. Мое внимание привлекает книга, лежащая на простыне. *Странно*. Я отчетливо помню, как ее взял с собой Кэш. Разумеется, без моего согласия и разрешения.

Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что отец вышел из спальни. Папа закрывает за собой дверь, и я распахиваю книгу. Между страницами покоится миниатюрная белая магнолия, и уголки моих губ невольно растягиваются в улыбке.

Только Кэш мог оставить цветок в книге про Бостонского душителя.

Глава 5 «Еще одна встреча»

– Здравствуйте, – я подхожу к стойке ресепшн ресторана «Basile». – У вас должен быть зарезервирован столик на фамилию Блаунт.

– Добрый вечер, – девушка-хостес приветливо улыбается. – Я провожу вас.

Я отправляюсь следом за ней и на ходу рассматриваю интерьер: расставленные по периметру колонны, люстры из венецианского стекла, квадратные столы с белоснежными скатертями. Ресторан выглядит слегка старомодно, но крайне претенциозно.

Его выбрал Джек для нашей сегодняшней встречи, и я мысленно благодарю себя за решение надеть платье. Оно нежно голубого цвета со слегка расклешенной юбкой чуть выше колен и вставкой на спине в виде шнуровки. К нему бы отлично подошли туфли, но белые кроссовки для меня гораздо удобнее, чем высокий каблук.

– Желая приятно провести вечер, – девушка-хостес подводит меня к столику, находящемуся рядом с окном. За ним меня уже дожидается Джек.

– Кимберли, – произносит он, и его губы образуют улыбку. – Не могу поверить, что ты согласилась прийти.

– Я тоже, – я прочищаю горло.

Джек посмеивается, вероятно решив, что это была шутка. Однако я говорила совершенно серьезно.

– Ты выглядишь замечательно. Позволь мне поухаживать за тобой, – Джек поднимается из-за стола.

На нем белый свитер Ralph Lauren, темно-синие брюки, блестящие итальянские туфли. По правде говоря, я ожидала от него чего-то подобного. Но вот действительно, чего я не ожидала от Джека – это то, что он меня поцелует.

Задвинув за мной стул, он наклоняется, и я чувствую его теплое дыхание на лице. Джек прижимается губами к моей щеке, и я замираю, прислушиваясь к голосу своего тела. Может быть, он даст мне какой-либо сигнал?

Например, как вчера, когда в моей спальне Кэш схватил меня за руку и усадил к себе на колени. Сначала я пыталась освободиться, но потом впервые почувствовала *это*. Трепет в животе и бешеные удары своего сердца. Каждый дюйм моей кожи оживал ярче и ярче, когда Кэш целовал меня в шею.

Но с Джеком ничего подобного не происходит. Нет того ощущения, что моя кожа воспламеняется, а сердце вот-вот вырвется из груди. Мне больше хочется поежиться и убраться подальше.

Оторвавшись от меня, Джек выпрямляется в полный рост и занимает место напротив. Я перевожу взгляд с его улыбающегося лица на окно. Отсюда открывается вид на террасу ресторана, где ужинают несколько гостей. Позади них отлично просматривается вечерний Бэк Бэй*. Квартал старинных домов из кирпича цвета обожженной глины подсвечивается изящными уличными фонарями.

Под одним из них я вижу темный высокий силуэт. Он стоит на противоположной стороне дороги, но из-за накинутого на голову капюшона его лица не видно.

Сердце начинает колотиться так сильно, что становится трудно дышать. Я открываю рот и тут же закрываю его, с трудом сглатывая застывший в горле ком.

Это неизвестный поджигатель? Он преследует меня?

– Кимберли?

– Что? – я отрываюсь от окна и смотрю на Джека.

– Ты побледнела? С тобой все в порядке?

Я вновь перевожу взгляд на окно, но там уже никого нет. Поверх моей немой паники начинает подниматься отрезвляющий разум. Скорее всего, это был какой-то случайный прохожий. А мое разыгравшееся воображение сыграло со мной в жестокую шутку.

– Извини, я немного задумалась, – отвечаю я, и на лбу Джека образуются морщинки от беспокойства.

– Тебе удалось восстановить видео с пропавшего дрона? – спрашивает он и протягивает мне меню через стол.

– Да, – я вздыхаю. – Камера зафиксировала неизвестного парня или мужчину. Видимо, именно он и повредил мой квадрокоптер. Но поскольку в туннеле было темно, то ничего не было видно, кроме его высокой фигуры.

– Наверняка, это какой-нибудь бомж или псих. Нормальный человек не стал бы сидеть в заброшенном туннеле, – Джек кривит губы в раздражении.

– Наверное, – я откладываю меню в сторону, так и не открыв его. – Я буду молочный коктейль и тирамису.

– Хорошо, – Джек нажимает на кнопку, расположенную на столе.

Вскоре к нашему столику подходит официантка, Джек называет ей заказ, а затем... уstraивает свою руку поверх моей.

– Так-так, и что тут у нас, – раздается женский голос. – Два голубка Блаунт и Эванс.

Повернувшись, я обнаруживаю Грейс. Сначала она смотрит на Джека, потом на меня, и я рефлексивно одергиваю свою руку.

– Привет, Грейс, – я улыбаюсь ей.

Так как у меня не было особого желания идти с Джеком на встречу, я попросила Грейс отправиться вместе со мной. Она согласилась, и я предупредила об этом Джека. В свою очередь он позвал своего друга, и теперь эту встречу можно назвать «парным свиданием». Правда, друг Джека еще не пришел в ресторан.

– Извиняюсь за опоздание, но мои родители предпочли прочитать получасовую лекцию о воспитании, – скучным тоном отзывается Грейс и спрашивает у Джека без интереса. – Ну и где твой друг?

– Он прислал сообщение, что опоздает, – отвечает Джек и натянуто улыбается. – Рад тебя видеть, Грейс.

– Не могу ответить взаимностью.

Грейс небрежно бросает сумочку едва ли не в тарелку Джеку и усаживается рядом со мной. На ней черное короткое платье и туфли на высоком каблуке, имеющего форму песочных часов.

– Кстати, это ты виноват, – Грейс указывает на Джека. – После выпуска нового номера мои родители очень расстроились. Особенно мама. Она переживает из-за того, что в твоём журнале напечатали о Кэше.

Мое сердцебиение ускоряется только от одного упоминания его имени.

– Во-первых, это не мой журнал, а журнал моего отца, – возражает Джек. – А, во-вторых, журналисты просто выполнили свою работу. Их долг открыть глаза общественности на правду. Кэш избил парня до полубоморочного состояния, но его отпустили.

Я едва не давлюсь коктейлем, который принесла официантка. Всем известно, что пресса любит приукрасить факты и вывернуть все наизнанку. Способен ли Кэш быть настолько жестоким?

– Из-за этого журнала у меня появилось много проблем, – продолжает хмуриться Грейс. – Родители включили режим гиперопеки и не хотят меня никуда отпустить.

– Виноват не журнал, а твои братья, которые дают повод для новых статей, – говорит Джек. – Им все сходит с рук, а безнаказанность порождает вседозволенность.

– Можно подумать, все вокруг белые и пушистые, – Грейс подпирает рукой подбородок и прищуривается, когда смотрит на Джека. – Хочешь сказать, у тебя репутация паиньки?

– Пару раз я использовал фейковый ID, чтобы попасть в бар или клуб, – Джек поднимает плечо. – На этом мои нарушения заканчиваются. Я не избиваю людей, и у меня нет проблем с контролем гнева.

Между тем, официантка подает десерт, Грейс говорит ей свой заказ и через некоторое время к нашей компании присоединяется друг Джека. Он выглядит немного старше меня с длинными темными волосами, собранными в хвост. Парень представляется Реттом и еще до того, как успевает что-либо сказать, Грейс произносит:

– Не могла бы ты сходить со мной в дамскую комнату, Кимми?

Я не решаюсь сказать ей "нет" и отправляюсь следом за ней. Как только мы оказываемся внутри, Грейс быстро мне сообщает:

– Я должна уйти.

– Но ты же только пришла.

– Я опаздываю на свидание. На настоящее свидание с настоящим мужчиной, – она подчеркивает последнее слово.

Вау. Я так ошеломлена этой новостью, что не знаю, что сказать.

– Он... Он старше тебя?

Грейс кивает.

– Он гораздо старше, чем ты можешь представить. Мои родители ни за что бы не отпустили меня. Но я сказала, что ты будешь со мной, а тебе они доверяют.

Выходит, Грейс согласилась отправиться на парное свидание, преследуя свою цель. Конечно, я бы могла обидеться на нее, ведь она попросту использует меня. Но кто я такая, чтобы ее осуждать? Я сама ничуть не лучше. Я использовала Джека, чтобы снять видео в заброшенном туннеле. Иначе мой отец не отпустил бы меня.

– И я сказала родителям, что переночую у тебя, – добавляет Грейс и прикрывает глаза, словно извиняется за свою ложь.

– Что? Ты с ума сошла? А если твой отец позвонит моему?

– Это вряд ли, – Грейс невесело усмехается. – Папа скорее позвонит тебе, чем мистеру Эвансу.

– Что я ему скажу?

– Соври что-нибудь. Скажи, что я в туалете или уснула. Или что-нибудь в таком духе.

– Я не обижусь, если ты оставишь меня здесь одну. Но не надо впутывать меня в свои тайны. Я даже не знаю, кто этот мужчина.

– Самый лучший мужчина, – у Грейс на лице появляется выражение, будто она говорит о божестве. – Леон Вильерс.

Что? Грейс тайно встречается с преподавателем ораторского искусства в «Дирфилде»?

– Я не привыкла никого и ни о чем просить, но сегодня исключение, – Грейс складывает ладони перед грудью. – Пожалуйста, Кимми! Ты должна меня выручить.

– Не знаю, – я качаю головой. – Это все глупо и непродуманно.

– Вот увидишь, все пройдет отлично. Нас никто и ни в чем не заподозрит.

Я пристально смотрю на Грейс. В школе она держится, как холодная и неприступная царица «Дирфилда», находящаяся под защитой своих старших братьев. Сегодня она доверила мне свой секрет, и на моем месте многие использовали бы его, как оружие. Но я предпочитаю заводить союзников, а не врагов.

– Ладно, – я с трудом выдавливаю из себя. – Я согласна. Но у меня есть условие.

– Все, что угодно.

– Когда-нибудь я тоже обращусь к тебе с просьбой. И ты не сможешь мне отказать.

Грейс обдумывает мои слова и кивает.

– Хорошо, – она пожимает мою ладонь, а затем встает у зеркала и красит губы.

– Ты собираешься уйти прямо сейчас?

– Ради приличия я останусь еще на десять минут, – Грейс оборачивается и подмигивает мне.

В ее синих глазах пляшут озорные огоньки, и мое сердце сжимается. У нее заговорщицкий вид, и она так похожа на того милого и веселого Кэша, которого я помню из детства.

– Когда-нибудь ты влюбишься и поймешь меня, – многозначительно произносит Грейс.

О, нет. Этот день никогда не настанет. Я лучше лишусь зрения, чем позволю себе потерять голову из-за парня и начну совершать поступки, полные безрассудства.

Грейс покидает дамскую комнату, оставляя меня наедине с моей тяжестью. Я все еще не верю, что согласилась на подобную авантюру. Я не любитель нарушать правила. Мне придется врать, и от этого я нервничаю еще больше. Если мистер Аматорио позвонит моему отцу, то все обернется провалом.

Как так могло получиться, что я согласилась?

За Грейс захлопывается дверь, а я включаю кран и подставляю руки под прохладную воду, надеясь, что это действие поможет мне успокоиться. Я смотрю, как водяная струя течет по моим бледным ладоням, и краем глаза замечаю в зеркале проблеск движения.

Еще до того, как я успеваю поднять голову и посмотреть, кто зашел в туалет, к моей спине кто-то вплотную прижимается. Тяжелое крепкое тело резко вдальбливает меня в край раковины, и я вижу в зеркале позади себя темную высокую фигуру.

Из меня вырывается леденящий душу крик. Но он тут же обрывается, когда он поднимает руку и зажимает мой рот.

Я поднимаю руки и цепляюсь пальцами в его ладонь, пытаюсь оторвать ее от моего лица. Но все без толку. Его рука крепко зажимает мой рот, лишая меня голоса. Но у меня даже мысли не возникает, чтобы сдаться. Со всей силы я бью ногами по его ступням, коленям и по всем остальным местам, куда могу дотянуться.

Однако незнакомец не двигается ни на дюйм. Он продолжает настойчиво держать меня, прижимая к своей

грудь. Тогда я оскаливаюсь и вгрызаюсь зубами в его руку. Мой рот наполняется его кровью, но он все равно не отпускает меня.

Из меня выходит свирепый рык. Он что, совсем не чувствует боли?

Я вспоминаю то, что читала примерно год назад. Преступники выбирают своих жертв, чтобы получить эмоции, которые те могут им дать. Большинство из них гонятся за чувством превосходства, стремятся увидеть испуг в каждой мелочи: в языке тела, в походке и даже голосе.

Я напрягаю каждую мышцу. Мне не нужно показывать ему свой страх.

Я замираю и смотрю на незнакомца в зеркало. На нем черная толстовка, и ее капюшон низко надвинут, но я замечаю несколько темно-каштановых прядей, спадающих на его высокий лоб. Он намного больше меня. Я кажусь гномом рядом с ним, так как он на фут выше меня и шире в два раза.

Судя по его телосложению ему ничего не стоит повести рукой в сторону, чтобы услышать предсмертный хруст моей переломанной шеи. И я даже не смогу увидеть убийцу из-за банданы, скрывающей нижнюю половину лица. Я вижу лишь его густые черные ресницы и большие синие глаза.

Незнакомец тоже не двигается. Он продолжает сжимать мой рот одной рукой, а второй цепляется в талию, не думая меня отпускать. Его взгляд неспеша скользит по моему отражению в зеркале сверху-вниз: сначала он опускает глаза на мою грудь, потом на живот, переходит к бедрам и возвращается к лицу. Его темная бровь выгибается дугой:

– Красивое платье, принцесса. Надеюсь, ты надела его для меня?

Бэк Бэй – престижный район Бостона, который славится магазинами и ресторанами. Здесь находятся дизайнерские бутики, магазины международных брендов, художественные галереи, а также кафе в открытых дворах изысканных кирпичных домов.*

Глава 6 «Сделка»

Принцесса.

Я завожу руку назад и одним рывком срываю бандану с его лица. И тут сжимаю челюсти до скрипа зубов.

Ненавижу себя за свою тупость! Мне стоило давно догадаться, что это Кэш Аматорио. Только такому психу, как он, придет в голову столь дурацкая выходка!

В отражении я красноречиво смотрю на его руку, обхватившую мой рот. Кэш тихо посмеивается и убирает ладонь, отчего я моментально разворачиваюсь к нему лицом. Во мне клокочет гнев. Да, пожалуй, это первое, что приходит на ум, чтобы описать мое состояние.

Я хочу придушить Кэша к чертовой матери!

– Ты думаешь, это смешно? Люди умирают от страха!

Кэш вновь смеется. Представляете? Из него выходит тихое фырканье веселья, будто эта ситуация крайне забавна.

– Не преувеличивай, принцесса. Если ты умрешь со мной, то от оргазма, а не от страха. Его дерзость и высокомерие не знает границ. Клянусь, он издевается надо мной!

– Ты... Ты... Тебе обязательно быть таким придурком? Ты ведешь себя, как скучающий богатый мальчишка, который играет с людьми и не заботится о том, как его поступки влияют на окружающих.

– На данный момент я с тобой не играю. Если бы я играл – ты давно стояла передо мной на коленях и открывала свой очаровательный ротик. Поверь, в играх мне нет равных.

– Твоя самооценка граничит с нелепостью, – я игнорирую все его мерзкие пошлости. – Зачем ты это делаешь? Ты получаешь удовольствие, когда пугаешь людей и видишь их в уязвимом состоянии?

– Я получаю удовольствие от занятий другого рода, – Кэш делает шаг в мою сторону и откидывает с головы капюшон.

Я отодвигаюсь от него, моя грудь сжимается, когда край раковины упирается в попу. Мне некуда бежать.

– Кэш, я серьезно. Зачем ты пугаешь меня?

– Я не пугаю тебя. В этом нет никакого смысла, принцесса. Лучшие охотники не пугают добычу перед тем, как выпустить в них пулю или стрелу, – Кэш склоняет голову набок, и его взгляд блуждает по моему телу. – Страх портит вкус мяса.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я с расширенными от ужаса глазами.

Кэш смотрит на меня сверху вниз – неподвижно и немигающе. Я опускаю взгляд на его полные губы. Вчера они прикасались ко мне и вызывали трепет вместе с головокружением. Я никогда не испытывала чего-то подобного.

К моим щекам приливает жар. Я с ума сошла? Разве я могу думать в такой момент о поцелуе?

– Я уже тебе говорил, – произносит Кэш, и тембр его голоса меняется на глубокий и грубый. – Я самый далекий от добра парень, которого можно встретить. Но я никогда не буду подонком с тобой. Если я что-то делаю, то для твоего блага.

Для моего блага?

Это самое идиотское заявление, которое я когда-либо слышала!

Прежде чем я открываю рот, чтобы сказать об этом, воздух пронзает резкий и оглушительный звон. За дверью раздается громкое перекрикивание персонала и гостей, топот, грохот от опрокинутой мебели.

– У нас есть тридцать секунд до того, как сработает система пожаротушения. После этого весь ресторан окажется под пеной.

– Система пожаротушения? – я так ошеломлена и взволнована из-за сирены, что до меня не сразу доходит смысл слов. – Что это значит?

– Ничего особенного, – Кэш выдергивает из моей руки бандану и повязывает ее вокруг своего лица. – Я внес немного изменений в ваше свидание с Блаунтом.

Что? Кэш устроил пожар, чтобы сорвать мою встречу с Джеком?

Еще до того, как я успеваю что-либо спросить, Кэш хватается за запястье и тянет к выходу из комнаты. По пути он накидывает капюшон толстовки, толкает плечом дверь и выводит меня в холл ресторана.

Здесь царит настоящий хаос: зал наполняется дымом, постепенно застилающим все вокруг, перепуганные гости бросаются к выходу. Пожарная сирена продолжает реветь, и от ее пронзительного звона у меня режут уши.

– Без паники! – громко объявляет администратор. – Спокойно покидаем помещение.

Однако встревоженные гости толкают друг друга, стремясь поскорее добраться до выхода из задымленного зала. Я смотрю на взволнованную толпу, затем перевожу сердитый взгляд на Кэша. По его вине много людей попало в стрессовую ситуацию, велика вероятность, что кто-то из них пострадает.

Но разве это волнует такого, как Кэш Аматорио? Сомневаюсь, что он вообще из-за чего-либо переживает!

– Не отставай от меня, принцесса, – стараюсь перекричать шум толпы, говорит Кэш.

С поражающей уверенностью он куда-то сворачивает, открывает дверь и тянет меня в служебный коридор. Кэш ловко маневрирует среди всполошившихся официантов, поваров и остальных работников кухни. Мне хочется вырвать свою руку и убежать от него.

Но также я понимаю, если мне удастся это сделать, то я заблужусь и потеряюсь в задымленном пространстве. Зато Кэшу не придется за мной гнаться. Он спокойно поймает меня, не затратив на это малейших усилий. Поэтому мне остается следовать за ним.

Спустя несколько поворотов Кэш открывает дверь запасного эвакуационного выхода, и мы выбираемся наружу. На меня накатывает прохлада осеннего вечера, а до ушей доносится приглушенный рев двигателя. Через мгновение раздается визг шин, глаза ослепляет яркий свет фар.

Неподалеку от нас останавливается черный внедорожник, и я всматриваюсь в водительское окно. Мне не удастся ничего разглядеть из-за темных тонированных стекол. Однако я догадываюсь, кто сидит за рулем.

– Чувак, сажай ее в тачку, или это сделаю я.

Заднее окно опускается, и я вижу троих парней, сидящих в темном салоне автомобиля. Среди них я узнаю Стива.

– Я никуда не поеду. Ни с тобой, ни с твоим старшим братом, ни с твоими друзьями, – заявляю я, когда Кэш тянет меня к машине.

– Охренеть, – Стив смеется в кулак. – Мне удалось дожить до того момента, как Кэша обламывает девчонка.

– Заткнись или я трахну твою мамашу, – бросает ему Кэш и поворачивается ко мне. – Как насчет того, чтобы заключить сделку?

– Какую сделку?

– Сегодня вечером ты согласишься поехать со мной и с моими друзьями.

– Куда поехать?

– Это секрет, – отвечает Кэш, и я закатываю глаза.

– И какая же вторая часть сделки? – скептически интересуюсь я.

– Мое обещание. Я больше не буду забираюсь в твою спальню.

– Ты и так больше не забереешься в мою спальню, – возражаю я. – Я скажу отцу, чтобы он усилил охрану. Ты больше не сможешь ни на дюйм приблизиться к моему дому.

– Это интересно, – тянет Кэш. – Почему ты до сих пор не сказала папочке, чтобы он усилил крепость принцессы?

– Я обязательно это сделаю! – восклицаю я.

– М-м-м, – глаза Кэша сверкают. – Еще один запрет.

Он наклоняется и оказывается так близко, что я чувствую его дыхание сквозь ткань платка, скрывающего его нижнюю часть лица.

– Твой папочка может нанять тысячи военных Израиля. Но это не остановит меня. Я заберусь в твой дом, чтобы забрать то, что должен был получить вчера. Но мы оба знаем, что ты сама этого хочешь, – Кэш подмигивает мне. – Увидимся ночью, принцесса.

Он отстраняется от меня, идет к внедорожнику и открывает пассажирскую дверь.

– Ты ошибаешься, – кричу я ему вслед.

Прежде чем забраться на переднее сиденье, Кэш отпускает дверную ручку и медленно оборачивается. Из-за банданы я не вижу его губ, но мне кажется, что он улыбается в этот момент.

– В чем?

– Ты не войдешь в мой дом, – произношу я, и голос у меня нервно срывается. – Я согласна на сделку.

Похоже, я сошла с ума. Но я готова принять предложение Кэша. Я добьюсь того, что он больше не окажется в моей спальне. *И в моих снах.*

– Уверена? – спрашивает Кэш, и я киваю.

Вы когда-нибудь чувствовали себя так, словно сейчас произойдет то, что приведет вас к падению? И у вас не остается ничего, кроме крохотной надежды, что последствия от удара окажутся минимальными.

Вот, что я чувствую, когда иду к внедорожнику. Я уже знаю, что упаду. Но надеюсь, что не буду сильно страдать, когда рухну на землю.

Я останавливаюсь рядом с машиной и на всякий случай уточняю у Кэша:

– Ты точно сдержишь свое обещание, если я выполню сделку?

– Обещаю, – говорит он и забирается во внедорожник, бросив на ходу. – Но после сегодняшней ночи ты сама попросишь меня, чтобы я пришел в твой дом и твою спальню.

Этого никогда не случится.

Я открываю дверь со стороны заднего сиденья и пытаюсь рассмотреть для себя место. Парни занимают все свободное пространство сзади автомобиля, и я прошу их подвинуться. Но они меня игнорируют. *Придурки.*

– Кимберли, – зовет меня Кэш. – Садись сюда.

Я перевожу на него взгляд. Он похлопывает рукой по своему бедру, и из меня выходит нервный смешок.

– Что?

– Садись сюда, – повторяет Кэш.

– Нет, – я качаю головой. – Кто-то из твоих невоспитанных друзей должен подвинуться.

На мои слова Стив шире разводит ноги и бросает Кэшу.

– Чувак, научи свою девочку, как ей следует со мной разговаривать. Она может просить меня только после того, как попрыгает на моем члене.

Я буквально чувствую, как моя кровь превращается в жидкий огонь. Мои кулаки сжимаются, я в шаге от того, чтобы ударить Стива. Если бы о моем желании узнала миссис Болейн – преподавательница этикета из моей бывшей королевской школы, она бы упала в обморок.

– Кимберли. Иди. Ко мне, – настойчиво повторяет Кэш.

Мой отец предупреждал меня, чтобы я остерегалась Аматорио. Но чтобы соблюдать папины правила, мне придется один раз их нарушить. Я делаю последний шаг и встаю на подножку внедорожника. Я взвизгиваю, когда Кэш обвивает мою талию и затаскивает внутрь автомобиля.

Машина моментально трогается с места, и от высокой скорости мое дыхание перехватывает. Кэш притягивает меня спиной к себе, сажает на колени и захлопывает дверь.

– Хорошая девочка, – шепчет он мне в ухо.

Конечно, я могу вырываться, возмущаться и всем своим видом показывать, как мне неприятно рядом с ним находиться. Но так вышло, что я оказалась здесь по своему решению. Поэтому я ничего не делаю и ничего не произношу. Только мой взгляд встревоженно мечется между лобовым стеклом, боковым зеркалом и Десмондом.

Старший брат Кэша сидит за рулем и быстро набирает скорость. Всего несколько секунд, и все остается позади. Остается позади ресторан с ревущей сиреной. Остаются позади полицейские и пожарные машины с мигающими проблесковыми огнями. Остаются позади перепуганные гости, столпившиеся около центрального входа в «Basile».

– Кто-нибудь из вас расскажет, куда вы везете меня? – мой голос звучит нервно в темном салоне автомобиля.

– Расслабься, Кимберли, – отвечает Десмонд, не отрывая взгляд от дороги. – Многие девушки сломали бы себе шею, чтобы оказаться на твоём месте.

– С ней явно что-то не так, – насмешливо добавляет Стив с заднего сиденья. – Обычно девочки исполняют гранд жете*, чтобы запрыгнуть к нам в тачку. Тебе больше нравятся кiski, милая? Скажи Кэшу об этом, чтобы бедняга не тратил времени зря.

Раздается дружный смех, и мое лицо приобретает багровый оттенок. Не удивительно, что Кэш ведет себя, как первоклассный мудака. *Скажи мне, кто твой друг...*

Честно говоря, для меня до сих пор остается загадкой, почему он выбрал себе таких друзей. Я знаю, что Кэш, как и я, хорош в математике. Очень хорош.

Когда мы были детьми, я поражалась работе его мозга. Кэш соображал, как молниеносный компьютер. Он обрабатывал сложные задачи и видел решения на несколько шагов вперед. У него блестящий аналитический ум. Но почему-то Кэш связался с футболистами, не обремененными интеллектом.

– Не волнуйся, принцесса, – вполголоса говорит Кэш. – Мы едем помочь тебе.

– Помочь мне? – растерянно переспрашиваю я. – В чем? И разве я просила об этом?

– Ты задаешь слишком много вопросов.

Из динамиков начинает греметь тяжелая музыка. «The dead of peace of mind» Bad Omens оглушительно разносится в салоне. Я собираюсь дотянуться до приборной панели и убавить

громкость. Однако суровое и отчужденное выражение лица Десмонда останавливает меня от этой затеи.

Если из его рук вытащить руль и вложить нож, то Десмонд будет выглядеть, как ближайший родственник Майкла Майерса**.

Мне не хватает того, как ты произносишь мое имя,

Как ты покоряешься, как ломаешься.

Макияжа, стекающего по твоему лицу,

Близости с тобой, твоего вкуса.

Когда поднимется занавес, вернемся ли мы оба домой живыми?

Вокалист продолжает петь, за этой песней следует другая, пока Десмонд сворачивает на дорогу, ведущую к границе города.

Мои внутренности завязываются узлом. Я нахожусь в машине, полной парней. Я не знаю, куда меня везут и зачем. И у меня нет с собой телефона, чтобы позвонить отцу или Патрику. Мобильный лежит в сумочке, которую мне пришлось оставить в ресторане.

Но даже, если бы у меня было средство связи, я бы все равно не смогла сообщить свои координаты. Я понятия не имею, где мы находимся. Я абсолютно не ориентируюсь за пределами квартала Бэк Бэй.

... Держись подальше от Аматорио...

... Ты понятия не имеешь, в каких демонов превратились Десмонд и Кэш...

... Маркос вырастил настоящих монстров без предубеждений, норм и границ...

Предупреждения отца звучат в голове один за другим. Я вытираю вспотевшие ладони о платье. Похоже, сесть в этот автомобиль – мое самое идиотское решение, которое я когда-либо совершала в своей жизни.

Разумеется, после моего решения сесть на колени Кэшу.

Кстати, он избавился от банданы и большую часть пути болтает со Стивом. Я стараюсь не особо прислушиваться к их разговору. Мне не интересны подробности того, как друг Кэша вчера переспал с танцовщицей из клуба. В любом случае, мне жаль эту девушку. Мне бы не хотелось, чтобы мою голову заморочил кто-то из этих парней.

Каждый из них богат и красив. Каждый из них избалован и жесток. И у каждого нет ни сердца, ни души.

– Не расстраивайся, чувак, – Стив хлопает по плечу Кэша. – Когда-нибудь тебе повезет, и ты сможешь поразвлечься и пристроить свой член.

У меня хватает выдержки, чтобы не поморщиться от мерзких слов Стива. С отстраненным видом я смотрю в окно, но неожиданно Кэш придвигается ближе ко мне. Теперь его твердая грудь упирается в мою спину. Его губы касаются мочки моего уха, и я чувствую, как теплое дыхание щекочет кожу.

– Стив разревется хуже младенца, когда узнает, что пока он трахал случайную девушку, я провел ночь у настоящей принцессы.

Он произносит прямо в ухо, пока вокруг нас музыка гремит на полную мощность. Кэша никто не услышит, кроме меня.

– Ты говоришь так, будто между нами, что-то было. Но это не так, – возражаю я.

– Нам необязательно трахаться, чтобы между нами что-то "было". Подобраться к киске для меня никогда не было чем-то сложным. Но вот забраться в твою голову... – Кэш замолкает, после чего дразняще добавляет. – Я становлюсь чертовски твердым, когда представляю, как ты ласкаешь себя и стонешь мое имя.

Я замираю, понимая, что прикусила нижнюю губу практически до крови. В этот момент Кэш кладет обе руки на мои бедра и притягивает меня вплотную к себе. Я чувствую, как в попу упирается что-то твердое, и в голове звучит сигнал тревоги. *Это эрекция Кэша!*

Я отстраняюсь от него, и к моему облегчению он меня отпускает. Но в очередной раз застает меня врасплох, когда берет меня за руку и переплетает наши пальцы. Меня пронзает импульс электричества, который проносится от Кэша ко мне. Но я стараюсь не придавать значения этому соприкосновению.

Это Кэш Аматорио. Он держал за руку многих девушек. Он сажал на колени многих девушек. И я для него очередная игрушка.

Внезапно музыка затихает. Десмонд останавливает машину, и тяжелый рокот двигателя заглушается. Фары гаснут, и в это мгновение я вижу... Я ничего не вижу.

Вокруг сплошная тьма. Никаких признаков жизни, никаких признаков каких-либо строений или чего-то подобного. По моей спине пробегает дрожь, и мне хочется, чтобы меня отвезли обратно домой.

– Где мы? – едва слышно спрашиваю я.

– Скоро узнаешь, – Десмонд переглядывается с Кэшем и выбирается из машины.

Следом за ним наружу вылезают остальные парни, оставляя после себя в воздухе запах одеколona.

– Нам пора, – Кэш распахивает дверь, и я первая выбираюсь наружу.

Мои ноги касаются грунтовой дороги, я с тревогой верчу головой, осматривая окрестности. Теперь я могу разглядеть вдалеке несколько деревьев и массивное строение из старого кирпича, скрытое высоким забором.

Что это за здание? Для чего мы здесь?

Вдруг мой обзор загораживает Десмонд. Он встает около меня, и к нему присоединяются остальные парни. Их лица скрыты темными банданами, и я напряженно сглатываю. Что они задумали?

– Что происходит? – спрашиваю я, и мой голос дрожит.

Парни ничего не отвечают и продолжают невозмутимо смотреть на меня. В темноте их глаза сверкают, как у волков. В затянувшемся молчании за спиной раздается звук захлопнувшейся автомобильной двери, отчего я вздрагиваю и резко оборачиваюсь.

Позади меня оказывается Кэш. Он даже не пытается скрыть, как поправляет свой... кхм... член. После чего подносит руки к вороту толстовки и стягивает ее через голову, оставшись в черной футболке.

– Что ты делаешь? Для чего ты раздеваешься?

Мое платье не дает много тепла, но я дрожу не от прохладного ночного воздуха. Я дрожу от взгляда Кэша. В темноте его глаза блестят, когда он смотрит на меня и сжимает свою сильную челюсть, словно тренируется перед тем, как проглотить меня целиком.

– Ты объяснишь мне, что происходит? Куда мы приехали? Вы собираетесь... сделать со мной что-то плохое? – последние слова я произношу испуганным шепотом.

Я пытаюсь уловить в чертах лица Кэша того маленького мальчика, который никогда бы не сделал мне больно. Но он остался в прошлом.

Несколько секунд Кэш хмуро наблюдает за мной. Его брови сходятся на переносице, морщины становятся все глубже и глубже, а потом его лоб резко разглаживается. Не остается ни морщин, ни малейшего намека на хмурость. Ничего.

Он надвигается на меня, заставляя дрожать, как дождевую каплю, повисшую на ветке перед падением. Мое сердце падает куда-то в желудок, и я отшатываюсь назад, угодив спиной в чью-то грудь. Повернувшись, я обнаруживаю Десмонда, который толкает меня обратно к Кэшу.

Я собираюсь ринуться в сторону, чтобы не столкнуться с ним и убежать. Но Кэш не дает этого сделать. Он ловит меня и обхватывает мои плечи руками.

– Кимберли, – он сердито на меня смотрит. – Успокойся, черт возьми.

Успокойся?

Я не хотела с ним ехать. Но перспектива каждую ночь видеть в своей комнате Кэша, заставила принять меня глупое решение. Посмотрите, в какую переделку я вляпалась!

– Ты объяснишь мне, наконец, в чем дело? Или так и дальше будешь вести себя, как придурок?

– Ты уже второй раз называешь меня придурком, Кимберли. Не заставляй меня наказывать твой милый ротик.

Мое лицо пылает от возмущения, но Кэш не обращает на это внимание и набрасывает на меня толстовку. В мои ноздри проникает аромат мужского парфюма, смешанный с запахом кондиционера для белья. Я просовываю руки в рукава и буквально выныриваю из толстовки. Она на несколько размеров больше моей привычной одежды и моментально согревает меня.

Я задираю голову и смотрю на Кэша. Получается, он не собирался делать мне плохо? По крайней мере, до этого момента он и его друзья не причинили мне какого-либо вреда. Конечно, кроме того, что заставляли меня слушать их гнусные пошлости.

– Перед тем, как мы начнем, я должен кое-что сделать.

Кэш протягивает ко мне руку и проводит кончиком пальца по моей скуле, чтобы заправить за ухо прядь. Я не понимаю, как такое возможно: почему его незначительное касание может восприниматься так... приятно? Как Кэшу это удастся? Особенно после всего, что он мне наговорил.

Кэш завязывает на мне бандану, набрасывает на мою голову капюшон и на секунду откидывает голову назад, чтобы рассмотреть свою проделанную "работу".

– Кимберли, ты просто... – его взгляд блуждает по мне, пока не останавливается на моих глазах. – Ты выглядишь чертовски круто.

– Зачем это все? Мы собираемся... кого-то ограбить? – спрашиваю я, скрывая волнение за тихим смешком.

– В какой-то мере, – отзывается позади Стив.

*Гранд батман жете** – "большой бросок, мах", термин в балете, обозначающий шпагат в воздухе.

*Майкл Майерс*** – главный злодей, маньяк-убийца из фильмов ужасов «Хэллоуин».

Глава 7 «Ночные нарушители»

Прохладный осенний воздух скользит по моим непокрытым ногам, но я не чувствую холод. У меня внутри все кипит от волнения. Я иду неизвестно куда с парнями из школьной футбольной команды. Неровная поверхность земли впивается в подошву кроссовок. Я ничего не вижу в кромешной тьме и в какой-то момент спотыкаюсь.

– Кимберли, дай мне руку.

В темноте Кэш находит мою ладонь и крепко сжимает ее. Тепло его кожи действует на меня успокаивающе. Я вспоминаю, как в детстве мы играли в "цапки", и Кэш часто проигрывал. Я хватала его за руку, и он выбывал из игры. Позже мне стало ясно, что он делал это нарочно.

Потому что первый, кто выбывает, объявляет задания для остальных участников. Кэш всегда придумывал самые сложные, а для некоторых детей еще и унижительные роли. Например, он заставил облизать садовую жабу заносчивую Тиффани Уолтер. Эта девочка постоянно надо мной насмехалась.

Что скрывать, уже с раннего возраста Кэш имел склонности к хитрым и подлым стратегиям.

– Давай, Стив, – командует Кэш, и его друг отделяется ото всех и вырывается вперед.

Он набирает скорость и с разбегу забирается по забору, поднимаясь по выступающим кирпичам, как по ступеням. Спустя минуту Стив оказывается на вершине стены и перебрасывает вес своего тела на противоположную сторону. Вскоре он исчезает, и за ним отправляются остальные парни.

Они ловко карабкаются по забору, и я слежу за их темными силуэтами. Надеюсь, Кэш не рассчитывает, что я последую их примеру? Ни под каким предлогом я не соглашусь забираться наверх! И ни при каких обстоятель...

– Давай, принцесса.

Кэш наклоняется и подхватывает меня за бедра. Я ахаю от неожиданности, когда он усаживает меня к себе на плечи. Я цепляюсь в его ворот футболки, чтобы не упасть и не потерять равновесие. Но это оказывается лишним: Кэш крепко держит меня. Его руки с настойчивостью сжимают мои бедра, и я чувствую, как мои щеки краснеют. Хорошо, что этого не видно в темноте.

– Кэш, отпусти меня, – требую я, хотя догадываюсь, что он меня все равно не послушает.

– Вспомни, как мы раньше лазали по деревьям, – Кэш приближается вплотную к кирпичной стене.

– Не путай меня с Человеком-Пауком! Я не стану карабкаться наверх!

– Хорошо, мы едем обратно, – к моему удивлению соглашается Кэш. – И я продолжаю забираться в твою спальню. Уверен, твой папочка очень обрадуется, когда увидит меня в твоей постели.

В темноте раздается раздраженный рык, и я понимаю, что он принадлежит мне. Я ругаю себя за то, что позволяю Кэшу мной манипулировать.

– Стой здесь и дай мне забраться, – рявкаю я.

Я ищу какой-либо выступ в стене, и меня медовым голосом инструктирует Кэш.

– Слева от тебя камень. Используй его.

Я нащупываю пальцами выпирающий кирпич и крепко его обхватываю.

– Отлично, принцесса, – шепчет Кэш снизу. – Теперь справа.

Я нахожу с другой стороны выступающий камень. Цепляюсь в него, и мышцы на руках начинают гореть от напряжения. Мне нужно найти точку опоры, и носком кроссовка я наступаю на торчащий из стены выступ. Я подтягиваюсь и на манер скалолаза постепенно перемещаюсь к вершине.

Если о моей выходке стало бы известно в школе Королевы Анны, то директор уже подписывала документы о моем отчислении. И никакие пожертвования в виде шестизначных сумм не смогли мне помочь. Я буквально слышу в голове укоризненный тон всего преподавательского состава: «Благопристойная леди не разгуливает поздней ночью с парнями и тем более не нарушает закон, пытаясь проникнуть на чужую собственность. Помогите Бог тому, кто исправит ее недостойное поведение!»

К счастью, я больше не учусь в пансионе для девочек и могу себе позволить нарушать правила.

Мой пульс достигает максимальной отметки, на лбу выступает пот, когда я цепляюсь в край стены. Осталось подтянуться, и я окажусь наверху. При мысли о том, что я балансирую на высоте более двенадцати футов, меня бросает в жар. Я жадно глотаю ночной воздух и подтягиваюсь.

Вдруг моя рука соскальзывает, и я испуганно вскрикиваю. Но в последний момент успеваю схватиться за выступающий кирпич.

– Кэш, я упаду!

– Не волнуйся, принцесса. Я в любом случае поймаю тебя. Но ты можешь еще раз попробовать забраться наверх. Уверен, у тебя получится.

Мои мышцы на руках и ногах дрожат от скопившегося напряжения. Некоторые пряди прилипли ко лбу, некоторые попадают в глаза, и я раздраженно их сдуваю. Собираюсь с духом, снова хватаюсь за край и подтягиваюсь. Я совершаю последний подъем и оказываюсь на вершине.

– Умница, – доносится снизу голос Кэша.

Я улыбаюсь от того, что преодолела препятствие, которое считала невозможным. Теперь я на самом верху и могу рассмотреть то, что раньше было скрыто забором.

Честно говоря, от увиденного я не испытываю и доли восторга. В центре закрытой территории находится трехэтажное здание. По площади оно примерно равно главному корпусу академии «Дирфилд». Посередине строения небольшое крылечко. Над ним располагается алюминиевая крыша. Дверь закрыта, рядом со входом припаркован старый пикап, в окнах не горит свет. Кроме одного, в котором мерцает свечение, похожее на работающий телевизор.

До сих пор не могу понять, что это за место. Нет вывески или какой-либо детали, по которой можно было сделать выводы.

– Кимберли, спускайся, – достаточно громко говорит Десмонд, чтобы я смогла его услышать. – Нам нужно идти.

Я переносу вес своего тела и начинаю свой спуск.

– Классная задница!

Я улавливаю приглушенный свист, и внутри меня растет смущение. За долю секунды оно достигает своего апогея. Похоже, моя пятая точка, обтянутая черными трусиками, представляет собой прекрасный обзор для парней.

– Не смотри на нее, если хочешь сохранить зрение, – произносит Кэш угрожающим тоном.

Ничего не понимаю. Как он так быстро здесь оказался? Если мне не изменяет память, Кэш не имеет способность проходить сквозь стены.

Я оборачиваюсь и опускаю голову, чтобы посмотреть на него. И это становится моей ошибкой. Нога соскальзывает с камня, и дрожь пронзает меня.

Я падаю!

Я вскрикиваю, но резко замолкаю. Меня обхватывают сильные руки, пока моя спина врежется во что-то твердое. Я испуганно зажмуриваюсь и думаю только о том, насколько серьезны мои повреждения. Но мне не больно. Может быть, я сломала позвоночник, и мое тело парализовало?

Паника накрывает меня, но внезапно я чувствую чье-то дыхание. Теплые вздохи касаются моей шеи, и по коже бегут мурашки.

– Привет, принцесса.

Открыв глаза, я обнаруживаю Кэша. Он держит меня, склонив голову и прижимая к своей твердой груди. Между нашими лицами всего лишь несколько дюймов. Его синие глаза темнеют практически до черных, но они быстро возвращают свой цвет и теплеют.

– Ты упала ко мне. У тебя все в порядке?

Часть моего сознания все еще паникует из-за падения. А другая часть требует, чтобы я сорвала с Кэша бандану, притянула его к себе и узнала, каково это – целоваться с ним не во сне, а в реальности.

Ох. Похоже, со мной что-то не так. Может быть, я все-таки неслабо ударила головой?

– Либо мы идем дальше, либо нас поймают, – мои мысли прерывает Десмонд.

Между бровями Кэша появляется неглубокая морщинка, выражающая недовольство. Он перестает смотреть на меня и обращает внимание на своего старшего брата. В его взгляде к недовольству прибавляется раздражение.

– Ты прав, – неохотно выдает Кэш. – Нам пора.

Он опускает меня на землю, и тут я замечаю небольшую нишу в стене. Присмотревшись, я вижу, что это деревянная дверь.

Теперь мне становится ясно, каким образом Кэш так быстро здесь оказался. Видимо, кто-то из его друзей открыл для него этот вход, пока я карабкалась по забору.

Мое лицо вспыхивает за считанные секунды.

– Кэш! – мой голос звучит агрессивно. – Ты издеваешься? Ты же мог открыть для меня дверь. Зачем ты заставил меня лезть?

Кэш смотрит на меня, его глаза весело блестят. Если бы не бандана, клянусь, я бы увидела на его лице привычную дерзкую ухмылку.

– Я не заставлял тебя, принцесса. Ты сама сделала выбор и позволила посмотреть на твой орешек.

Я потрясенно хлопаю глазами и борюсь с желанием ударить его. Как он может быть таким обнаглевшим? В какой реальности он живет?

– Что бы ты не увидел, надеюсь, это зрелище не совпало с твоим ожиданием, – шиплю я. Кэш поднимает руку и театрально прикладывает ее к груди.

– Официально заявляю, что орешек Кимберли Эванс превзошел все мои ожидания, – он подмигивает мне. – Поверь мне, я видел предостаточно задниц, и мне есть с чем сравнить.

– Сейчас не самое удачное время для разговорах о задницах, – его грубо прерывает Десмонд. – Черт возьми, мы собрались совершить кражу со взломом, а ты ведешь себя, как идиот.

– Он и есть идиот, – шепчу я себе под нос.

Я пронзаю Кэша уничтожающим взглядом, когда он проходит мимо меня. Еще никогда я не испытывала столько ярости к одному человеку. Я зла, взбешена и раздражена.

Вдобавок мне вновь хочется вернуться домой. От таких слов Десмонда, как «кража» и «взлом», по моей спине пробегает холодок. Во всяком случае, у меня есть надежда, что эти парни заранее разработали план, и нас не поймают. Они же знают, что делают, верно... *Верно?*

Я держу рот на замке, когда мы подкрадываемся к зданию. В темноте я едва могу разглядеть его очертания, но чувствую его надвигающее присутствие. Мы пробираемся через кусты и вскоре останавливаемся возле лестницы. Она ведет к старинной деревянной двери. Похоже на запасной вход или что-то в таком духе.

– Кто хочет попробовать? – гроыхает в темноте Десмонд.

– Я сделаю это левой рукой, – усмехается Стив и поднимается по ступеням.

Он вытаскивает из-за пояса нож с узким лезвием и просовывает его в щель между дверью и стеной. Массивное деревянное полотно издает скрип, затем треск и вскоре дверь распаивается. Стив оборачивается на нас через плечо:

– Слишком просто.

Он проскальзывает внутрь, и Десмонд велит остаться возле лестницы двум парням, чтобы контролировать обстановку. Вместе с ним и Кэшем я захожу в здание. В нос ударяет запах чистящего средства, напоминающего мне о днях генеральных уборок в женском пансионе.

Кто-то включает фонарь, и его луч рассеивает темное пространство. Я смотрю на непримечательные стены, окрашенные то ли темно-серым, то ли темно-коричневым цветом. Здесь нет мебели и пусто. И я до сих пор не понимаю, что это за место.

– Теперь ты скажешь, где мы? – тихо спрашиваю у Кэша.

Он идет впереди меня, останавливается, но не оборачивается.

– Ты узнаешь через пару минут, – отвечает он и отправляется дальше.

В воздухе висит тягучая тишина. Ее прерывает отчетливый скрип деревянных половиц под ногами. Мы проходим мимо нескольких закрытых дверей. В том числе и мимо той, под которой мерцает голубоватое свечение. Наверное, это кабинет ночного охранника.

От волнения в моих ушах стучит пульс. Если меня здесь поймают, меня вряд ли кто-то убьет. Но моя жизнь станет невыносимой. Об этом узнает отец, и до конца моего совершеннолетия мне никуда не будет разрешено выбираться, кроме академии. Я буду прикована к дому. И может быть, отец приставит ко мне телохранителя, чтобы контролировать каждый мой шаг.

– Я останусь здесь, – Десмонд останавливается возле двери охранника и жестом велит нам следовать дальше.

Кэш добирается до еще одной запертой двери, и Стив снова проделывает свою махинацию с ножом. Дверь открывается, и перед тем, как мы собираемся войти, Кэш хватает меня за руку:

– Кимберли, что бы ты не увидела, постарайся вести себя тихо. Ты поняла меня?

Я изумленно киваю, и Кэш проходит мимо меня. Я отправляюсь за ним и морщусь. В нос ударяет неприятный запах. Пахнет чем-то испортившимся. Хорошо, что на мне бандана, и она частично притупляет мое обоняние.

Внезапно все мои мысли улечиваются. От увиденного мои ноги дрожат, живот сводит болезненным спазмом, а сердце сжимается. Но я заставляю взять себя в руки.

– Нужно вытащить его, как можно скорее, – мрачно говорит Стив.

Кэш опускается на колени рядом с клеткой и пытается справиться с ее замком. Я приседаю рядом с ним, и мои глаза наполняются слезами. В моем мозгу крутятся столько вопросов. Но единственное, что я могу сейчас сделать – это следить, как ястреб, за тем, как Кэш старается открыть дверцу клетки, в которой лежит моя собака.

– Голди, – всхлипываю я.

Мой любимый питомец, мой друг при звуке моего голоса оживает. Из апатичного и вялого лабрадора он становится радостной собакой, подскочившей с подстилки и виляющей хвостом. У Кэша не получается с первого раза сорвать замок, и Голди жалобно скулит. Его тельце трясется, и даже в полумраке комнаты я могу различить, каким он стал худеньким.

– Сейчас, Голди, – шепчу я. – Сейчас, мой хороший. Мы вытащим тебя отсюда.

Голди с энтузиазмом принимается скрести лапой у дверцы. Он лает, и позади Стив тихо выругивается.

– Блядь, – шипит он. – Кэш, ты избавишься от этого чертова замка или нет?

– Ш-ш-ш, – я умоляюще смотрю на Голди. – Мой мальчик, веди себя тише.

Голди энергичнее виляет хвостом и не издает звуков. Его глаза сверкают, пока я пытаюсь справиться с подступающими слезами. Внезапно все слова Кэша обрели смысл.

Мы едем помочь тебе.

Без Кэша я бы не узнала, что на самом деле происходит с Голди. А если бы узнала, то не справилась в одиночку.

... У Голди все хорошо. У него новый дом и хозяин...

Я настолько поглощена встречей с Голди, что отгоняю мысли об обмане моего отца. Мне хочется спросить у Кэша: почему мой питомец находится здесь? Что с ним хотели сделать? И откуда Кэш все это выяснил?

Но я понимаю, что сейчас не подходящее время. Уверена, я получу ответы, но позже.

Наконец Кэшу удается сорвать замок и открыть дверь. Голди выскакивает из клетки и бросается в мои объятия.

– Как я скучала по тебе! – я крепко прижимаю его к себе.

Я не могу справиться с нахлынувшими эмоциями и плачу. Прошло больше десяти дней с тех пор, как я оставила Голди в приюте, но мне кажется, что миновали все десять лет. Я без усталости глажу Голди, и мою руку накрывает теплая ладонь.

– Давай, принцесса. Надень на него ошейник, – велит Кэш. – Нам нужно поскорее выбираться отсюда.

Он отдает мне ошейник, и я повинуюсь. Через несколько секунд Кэш пристегивают к нему поводок, и мы встаем, направляясь к выходу из комнаты. Я слышу, как в коридоре раздается громкий хлопок, за которым следует глухие звуки от ударов.

– Похоже, Десмонд вырубает охранника, – Стив смотрит на экран телефона, читает сообщение и потирает висок. – Вам нужно уходить, а я отвлеку второго.

Второй охранник?

Я не вдаюсь в подробности.

Мы выбираемся в коридор. Луч от фонаря пронзает темноту и освечивает фигуру Десмонда, который возвышается над лежащим мужчиной. Я надеюсь, что он не прикончил его, но у меня нет времени, чтобы выяснить это, так как появляется еще один охранник.

– Что вы здесь делаете? Оставайтесь на своих местах! – его голос отражается от стен.

– Разделяемся! – Стив подталкивает меня и Кэша к западному крылу здания, а сам несет на противоположную сторону.

Без колебаний мы срываемся с места. Я смотрю на Голди, который бежит впереди Кэша, натянув поводок. Он часто и тяжело дышит, но все равно не снижает скорости и мчится по коридору. Вскоре мы добираемся до лестницы.

– Голди, стоять, – командует Кэш и выдвигается вперед.

Он высовывает голову из-за угла и подает знак, что все чисто. Мы преодолеваем несколько ступенек, как слышим позади себя шаги. Через секунду светлый круг от фонаря освещает стену рядом с нами.

– Стойте! – ревет охранник.

Мы поднимаемся на второй этаж, и на последней ступени я спотыкаюсь и падаю. Острая боль пронзает колено.

– Кимберли, – Кэш наклоняется ко мне, но я качаю головой.

– Со мной все в порядке, вы не должны останавливаться, – несмотря на мои слова Кэш хватает меня за руку и тянет за собой. В другой руке он по-прежнему сжимает поводок.

– Сейчас я доберусь до вас, мелкие ублюдки! – гремит охранник.

Мы бежим по еще одному пустынному коридору так быстро, как только можем. Мои ноги парят над полом, легкие горят. Кэш сворачивает за угол, затем налево и пытается открыть дверь одну за другой. Нам не везет, и все они остаются запертыми. Кроме последней. К счастью, она поддается, и мы оказываемся в темной комнате.

– Вниз, – велит Кэш, и мы приседаем, спрятавшись за стол.

Я нагибаюсь и притягиваю ноги к телу, чтобы стать меньше. Спиной я чувствую грудь Кэша, которая быстро поднимается и опускается. Голди тоже часто дышит, и его громкие вздохи отчетливо слышатся в застывшей тишине.

– Он нас найдет.

– Ш-ш-ш, – Кэш обхватывает мой рот сзади. – Тише, принцесса.

Комната перед глазами начинает кружиться. Я пытаюсь сконцентрироваться на своем дыхании. Но все, что у меня выходит – лишь контролировать приступ тошноты. Мне страшно, плохо и больно. Я боюсь, что у меня вновь отнимут Голди. Я боюсь, что отец снова заставит от него отказаться. Я боюсь, что он вновь обманет меня.

Вдруг Кэш убирает руку от моего рта, берет меня за подбородок и поворачивает мое лицо к себе.

– С тобой все в порядке?

Я молчу, не желая показаться в глазах Кэша испуганной и слабой.

– Сосредоточься на мне, – приказывает он, и от его властного тона мое дыхание учащается.

Но я резко перестаю дышать и замираю. Я слышу рядом с дверью шаги и голос мужчины. Судя по тому, что ему никто не отвечает, он разговаривает по телефону или по рации. Его слова звучат в моей голове, будто я нахожусь под водой. Я смотрю на Кэша, перепуганная тем, что нас поймают.

– Смотри на меня, Кимберли, – шепчет он. – Я здесь. Я с тобой. И не дам тебя в обиду.

Его пристальный взгляд обращен на меня. У Кэша действительно такой вид, что он готов защитить меня от любого, кто ворвется сюда.

– Вы здесь? – спрашивает мужчина. – Если это так, то выходите немедленно!

Дверь скрипит, открывается, и внутри меня все холодеет. Луч от фонаря скользит по комнате, двигаясь в разных направлениях. Мое сердце обрывается, я слышу его биение и шум крови в ушах. Дрожащими руками я прижимаю Голди к себе, и он утыкается носом в мою грудь. Его частое дыхание хрипит рядом со мной, и я зажмуриваю глаза.

Нас поймают. Нас поймают. Нас поймают, и об этом станет известно отцу.

Свет от фонаря опускается и приближается к нам, отчего мурашки покрывает мою кожу. Я чувствую, как Кэш позади меня напрягается, будто собирается вскочить и напасть на мужчину.

Внезапный грохот заставляет меня вздрогнуть. Он гремит где-то вдалеке, и охранник мигом выходит из комнаты. Дверь скрипит и захлопывается. Звук шагов отдаляется от нас все

дальше и дальше, и я выдыхаю. Я опускаю голову и прижимаюсь к Голди, чувствуя, что вот-вот отключусь после всего, что со мной произошло.

– Стив отвлек его. Мы подождем здесь несколько минут, а после уйдем, – шепчет Кэш.

Он встает, подходит к двери и осторожно поворачивает ручку. Затем откидывает с головы капюшон и проводит рукой по волосам.

– У меня есть две новости. Хорошая и плохая, – Кэш возвращается ко мне и Голди. – Хорошая новость: охранник больше не будет искать нас здесь.

– А плохая?

– Дверь заперта.

Глава 8 «Ты должен мне три ответа»

Я моментально осматриваю комнату. Это какая-то шутка? Почему в ней только одно крошечное окно с решеткой?

– Ты же взломаешь дверь? – я с надеждой спрашиваю у Кэша, на что он невесело усмехается.

– Конечно, – с долей сарказма отвечает он. – Я недавно сбежал из «Алькатраса». Любой замок для меня, как два пальца...

Я бросаю в его сторону суровый взгляд. Неужели снова вернулась несносная версия Кэша?

– Не паникуй раньше времени, я что-нибудь придумаю, – ободряюще добавляет он и достает телефон.

Сначала Кэш звонит Стиву, потом Десмонду, но они оба не отвечают. Дальше Кэш набирает номер одного из парней, оставшихся у входа в здание. Его друг обещает, что поможет нам, как только Стив или Десмонд выйдут на связь. Меня это не очень утешает. Неизвестно, сколько времени мы проторчим здесь.

Однако я решаю извлечь из этой ситуации выгоду. Кто знает, когда у меня еще появится возможность оказаться с Кэшем один на один и попытаться получить ответы?

Я отпускаю Голди и поднимаюсь в полный рост. Кэш стоит ко мне в профиль возле окна, задумчиво уставившись перед собой и держа руки в передних карманах джинсов. Сквозь решетку луна отбрасывает серебристый свет и падает на его лицо, которое больше не скрыто банданой.

– Раз уж мы застряли здесь на неопределенное время, – прочистив горло, начинаю я. – Можно было бы сыграть.

Кэш поворачивает ко мне голову, и я встречаюсь с его синими глазами – его самая выразительная черта. Не потому что они обрамлены черными густыми ресницами. А потому что они настолько глубокие, что это пугает. Никто не знает, сколько демонов прячется внутри.

– В какую игру ты хочешь сыграть, принцесса?

Вряд ли меня назовешь слишком смелой и решительной девушкой. Для меня гораздо проще задавать вопросы под предлогом игры, которую мы любили в детстве.

– «Три ответа».

– Ты же помнишь, что правила действуют в обе стороны? Никто из нас не может отказаться от вопроса другого.

Я уверенно киваю.

– Начинай, – велит Кэш.

Я набираю побольше воздуха в легкие. Мне нужны мужество и воля для того, чтобы спросить самый главный вопрос.

– Почему ты перестал мне писать?

Расслабленное выражение лица Кэша сменяется каменным. Он пристально смотрит на меня, а его глаза... Я не могу определить, оживились ли его глаза из-за того, что мой вопрос его тоже волнует. Либо из-за того, что Кэш раздражен, потому что я вторгаюсь в его жизнь, которую он предпочитает скрыть от других.

– Прошлое для меня остается прошлым, Кимберли.

Его ответ меня бесит. Кэш не мог ответить более расплывчато?

– Это не ответ, – я скрещиваю на груди руки. – Хотелось бы услышать побольше определенностей.

Кэш ухмыляется, отчего во рту появляется привкус горечи. Почему мои слова звучат так, будто я навязываюсь быть его другом или что-то в таком духе?

– Игра есть игра. Ты получила ответ. Теперь моя очередь.

– И каким будет твой первый во...

– Тебе нравится Блаунт? – не дожидаясь того, когда я закончу, спрашивает он.

Я в замешательстве смотрю на него. Вся насмешливость, которая обычно сопровождает Кэша, отсутствует. Он крайне серьезен.

– Ты имеешь в виду нравится, как... парень? – уточняю я.

– А разве он пытается стать твоим другом? – парирует Кэш.

– Нет, – признаюсь я. – Мне не нравится Джек.

Выражение лица Кэша остается неизменным. Кажется, он стал выглядеть более... злоецим.

– Твой второй вопрос, Кимберли.

– Как ты нашел Голди?

– Не мне тебе объяснять, как легко можно собрать информацию о чем угодно и о ком угодно, имея деньги и связи.

Меня не удивляет его ответ. У Аматорио много денег и возможностей. Я знаю, что в их распоряжении имеется частный семейный детектив.

– Зачем ты помогаешь мне?

– Сейчас моя очередь задавать вопрос, – Кэш прищуривается. – Ты была в ресторане с Блаунтом, потому что так хотел твой отец?

Смушение взрывается в моей груди. Я испытываю уязвимость при мысли о том, что Кэш знает: отец настоял на свидании с Джеком. Мои щеки пылают, и я отворачиваюсь. Краем глаза я замечаю, как Голди подходит к Кэшу. Мой питомец утыкается носом в его бедро, и Кэш вытаскивает руку из кармана, чтобы погладить его и почесать за ухом.

– Я благодарна тебе, что ты помог мне вытащить Голди. Но тебя не касается, что происходит внутри *моей* семьи. Это личное.

Я слышу приглушенный звук шагов и поворачиваюсь. Кэш направляется ко мне, и я нервно сжимаю в руке подол платья, торчащий из-под края толстовки. У меня бегут мурашки по коже в предвкушении, что скоро Кэш окажется рядом.

Почему мне так нравится чувствовать его приближение?

Кэш встает около меня и проводит языком по своей нижней губе. Я прослеживаю за его действием, и сознание сначала тащит меня в день, когда я впервые увидела неизвестного поджигателя на заднем дворе. А потом я переносюсь в свою спальню в прошлую ночь. *К его губам на моей шее. К его языку на моей коже. К его рукам, запутавшихся в моих волосах.*

– Ты права, это личное, – к моему изумлению соглашается Кэш. – Тогда почему твой папаша лезет в твою личную жизнь и распоряжается ею?

Я чувствую себя подавленной: я так и не получила от Кэша ответ, который волнует меня больше всего. Зато он одним вопросом загнал меня в тупик. Мне тяжело признаться в том, что мой отец... плохой и лживый человек.

– Я же сказала, что не буду отвечать на вопросы, связанные с семьей. Игра закончилась.

Кэш снова делает шаг вперед, отчего я отступаю назад. Но он продолжает преследовать меня, пока моя спина не утыкается в стену. Кэш поднимает руки и упирается ими по обе стороны от моей головы.

– Мы играем до конца. Ответ на твой последний вопрос, Кимберли. Я помог тебе, не потому что мы были в прошлом друзьями, и я хочу сохранить нашу дружбу. Или не потому что я хочу трахнуть твою маленькую невинную киску, – он понижает голос. – Я помогаю тебе, потому что твой отец – самый большой кусок дерьма, который ходит по этой планете. По его вине Голди не должен страдать.

Я практически на грани слез от горько-сладких воспоминаний.

Это было почти девять лет назад на Рождество. Я поблагодарила Кэша за подарок и крепко его обняла. Когда Кэшу удалось вырваться из моих объятий, он спросил, как я хочу назвать щенка. Я взглянула на маленького золотистого лабрадора, виляющего хвостом, и ответила...

– Голди, – шепчу я.

Между тем, Кэш не останавливается и продолжает выпускать на меня весь свой ад.

– Твой папаша устроил прием и вывел тебя на обозрение, как племенную кобылу на торги, – его ноздри раздуваются. – Он подбирает жениха, и ему абсолютно плевать, что тебя тошнит лишь от одной мысли, что к тебе может кто-нибудь прикоснуться.

Наши лица в нескольких дюймах друг от друга. Я вижу, как в глазах Кэша полыхает огонь. Огонь ненависти. Он поджигает меня, и я хочу испариться в воздухе, словно дым. Мне не по себе от того, как Кэш много про меня знает.

– Ты все высказал? – мой подбородок дрожит. – Тебе стало легче от того, что ты смешал с грязью мою семью?

От моего сломленного голоса Голди поскуливает. Он подбегает ко входной двери и пытается открыть ее лапой, словно чувствует, что надо поскорее отсюда уйти.

– Нет, мне не стало легче. Но мне будет гораздо легче, если ты начнешь играть не по правилам своего папаша.

С этими словами Кэш срывает бандану с моего лица. Я задерживаю дыхание, когда он опускается передо мной. Я прослеживаю за ним взглядом, наблюдая, как Кэш проводит рукой по моему колену, избегая кровотока ссадины.

– Что ты делаешь?

Кэш поднимает на меня взгляд, который я расцениваю, как "разве не видно"? Затем снова смотрит на мое колено, и его челюсть сжимается.

– Чертов охранник, – бормочет он. – Сильно болит?

– Нет.

Некоторое время Кэш смотрит на мою ногу, затем стягивает ее банданой. Прежде чем завязать ее вокруг моего колена, он выдвигается вперед и прикасается к коже рядом с ушибленным местом. Он опускается, целуя мою рану, и я вздрагиваю.

– Кэш, что ты дела...

– То, что должен сделать, – грубо прерывает меня он.

Его губы направляются выше, их тепло передается мне и растекается по телу. Внутри меня что-то разгорается. Что-то незнакомое. Прежде чем я успеваю разобраться со своими

эмоциями, Кэш опускает руку на мое бедро и сжимает его. Постепенно он добирается до подола платья и задирает его дюйм за дюймом.

Мои пальцы на ногах дергаются. Кэш пристально смотрит на мою нижнюю часть, скрытую трусиками. От его взгляда я испытываю... Нет, это ни в коем случае не назовешь стыдом или смущением. Это что-то похожее на трепет или, может быть, предвкушение.

– Черт, принцесса, – хрипло ругается Кэш. – Теперь ты не сможешь уйти от меня просто так.

Схватив меня за ногу, он закидывает ее к себе на плечо. Его рот прижимается к моей внутренней части бедра, и дрожь пронзает меня. Кэш проводит дорожку языком и губами, медленно подбираясь к краю белья. Он совсем близко, и моя грудь часто вздымается и опадает.

Я прерывисто дышу, чувствуя жар. В комнате становится слишком душно. Мне хочется стянуть с себя толстовку. Хочется остудить свое разгоряченное тело. Я откидываю голову и упираюсь затылком в стену. У меня не остается никаких мыслей, кроме одной: какой следующий шаг сделает Кэш? И буду ли я готова к нему?

– Я хочу попробовать твою маленькую киску, – тихо говорит Кэш, и я чувствую тепло его шепота, скользнувшего между бедер. – Хочу узнать, как она будет сжимать мои пальцы и член. Хочу увидеть, как ты будешь смотреться, заполненная мной, принцесса. Держу пари, это будет чертовски красиво.

– Ты сошел с ума, если думаешь, что это случится.

Я вскрикиваю от неожиданного укуса в бедро. Кэш успокаивает его поцелуем и проводит языком по моей промежности, скрытой бельем. Электрические разряды пробегают по моему позвоночнику, заставляя выгнуть спину.

– Мы оба знаем, что ты сама этого хочешь. Хочешь, чтобы мои руки были на тебе. Хочешь, чтобы мои пальцы были внутри тебя. И я дам тебе все. Но когда ты попросишь об этом.

Не дожидаясь, что я отвечу, Кэш берет мою ладонь и устраивает ее на своей голове. Я пропускаю пальцы в его волосы и оттягиваю их, слыша его довольный рык. Кэш возвращает свои губы и вновь прижимается ими к моему бедру. Он целует, посасывает и рисует узоры языком на моей коже. Сладостное напряжение застывает в нижней части живота, и я всхлипываю.

– Черт, принцесса, – выдыхает Кэш. – В следующий раз не подпускай меня так близко. Иначе я сорвусь.

Он отстраняется, и прохладный воздух касается тех мест, которые секунду назад пылали под горячими губами. Кэш завязывает бандану на моем колене, еще раз целует меня в бедро и выпрямляется в полный рост.

Между его ног отчетливо проглядывается выпуклость, но не похоже, что Кэша волнует собственная эрекция. Я открываю рот, чтобы спросить, *что это было*, как слышу шорохи.

Дремлющий Голди просыпается и принимается скрести лапой у порога. Через несколько секунд дверь приоткрывается, и я вижу в проеме темный силуэт. За ним стоит более широкоплечая и высокая мужская фигура, и я облегченно выдыхаю.

Мне повезло, что Десмонд и Стив не стали свидетелями того, что происходило в этой комнате минуту назад.

Нам удастся быстро выбраться из помещения и быстро покинуть здание. По дороге Десмонд объясняет мне, что по неофициальным данным это место принадлежит небольшой фармакологической компании. Сюда привозят животных, чтобы потом отправить их в лабораторию для опытов и исследований.

Никто не знает, безопасны ли их методы. И я не знаю, какими словами описать свою злость по отношению к отцу. Может быть, он не был в курсе, что животных из приюта отправляют на опыты. Но зачем он врал, что нашел для Голди новый дом и нового хозяина?

Подумать только, отец разыграл целый спектакль со снимками и заставил участвовать в этом незнакомую девочку!

Мы добираемся до внедорожника, и я замечаю рядом с ним еще одну машину. Это Maybach, и при виде нас он мигает фарами. Двое парней отделяются от нас и прощаются с Кэшем и Десмондом. Они сообщают, что отправляются на вечеринку, и Стив собирается уйти вместе с ними. Но его останавливает Десмонд:

– Ночь еще не закончилась.

– Сперва надо отвезти домой Кимберли, – заявляет Кэш.

– Разве она не поедет с нами? – спрашивает Стив, и Кэш с Десмондом смиряют его уничтожающим взглядом.

– Нет, – отрезает Кэш.

В другой раз я бы обязательно спросила, куда мне не разрешено ехать и почему? Однако сейчас все мои мысли сосредоточены на одном: мое возвращение домой с Голди. Аллергия у отца никуда не делась. И рано или поздно мне придется найти для Голди место для передержки. После того, как отец обманул меня, я не могу ему доверять.

Вскоре мы забираемся во внедорожник Десмонда. Стив занимает переднее пассажирское место, а мы с Кэшем и Голди устраиваемся на заднем. Голди прижимается мордочкой к моим коленям и утыкается прохладным носом в ладонь. Я глажу его и вскоре слышу его тихое и мерное сопение.

Чувствуя чудовищную усталость, я прислоняюсь лбом к окну и закрываю глаза. Через несколько секунд на мою руку ложится теплая ладонь. Я поворачиваюсь к Кэшу, и его взгляд блуждает по моему лицу. Мы смотрим друг на друга, и я пытаюсь понять, что *с нами происходит?*

– Ты уже решила, куда пристроишь Голди?

Я не удивлена, что он знает про аллергию моего отца.

– Еще нет.

Кэш тяжело сглатывает перед тем, как произнести:

– Ты можешь оставить его у меня.

– У тебя? – я не верю собственным ушам.

– Сомневаюсь, что мама или Грейс будут рады собаке, которая может испортить их дизайнерскую мебель, одежду или туфли. Но я могу выделить для Голди место. Это может быть бунгало в лесу для гостей. Обещаю регулярно кормить Голди и играть с ним. А ты можешь навещать его, когда захочешь.

Я опускаю взгляд на его ладонь, которая накрывает мою. Она широкая, большая и теплая. Развернув свою руку, я переплетаю наши пальцы и поднимаю глаза на Кэша:

– Спасибо, – мой голос больше похож на шепот, но я знаю, что Кэш меня слышит.

Глава 9 «А» значит Аматорио»

Я прожигаю взглядом белый Volvo, в котором сидит Блаунт. Несколько минут назад он вышел из бара с какой-то девчонкой. На вид ей не больше семнадцати, и она едва держалась на ногах, когда Блаунт затаскивал ее на заднее сиденье.

Теперь его машина движется в сторону пригорода. Соблюдая дистанцию, Десмонд едет за ним и сворачивает на грязную проселочную дорогу.

Примерно два часа назад мы отвезли домой Кимберли, потом я оставил Голди у себя. А дальше мы отправились следить за Блаунтом. Точнее, мы наблюдали, как этот урод накачивал девчонку крепкой выпивкой.

Сюрприз-сюрприз.

Блаунт представляет собой образец хорошего и примерного парня. Его официально ни разу не обвиняли в чем-то противозаконном и подозрительном. По всем пунктам он слишком правильный. Слишком гладкий. Слишком, блядь, отполированный.

Блаунт ходит по академии с ангельским лицом, будто он святой, а все остальные на его фоне жалкие грешники. Но он ни хрена не святой. Я чувствую, что в нем есть что-то глубоко неправильное. Блаунт что-то скрывает, и скоро я найду его гниющее место.

– Эй! – отзывается Стив с заднего сиденья. – Может, объясните мне, какого хрена вы взъелись на Блаунта?

Десмонд берет с центральной консоли журнал, на обложке которого моя фотография, и бросает его Стиву. На снимке я смотрю прямо в объектив, будто хочу врезать человеку по другую сторону камеры. На моих окровавленных губах безумная улыбка после драки в ночном клубе.

– Семья Блаунта облила дерьмом нашу семью, – говорит Десмонд сквозь плотно сжатые челюсти. – Мы обязаны оставить им предупреждение. До них должно дойти, что у них будут последствия, если они еще раз что-то напишут про Аматорио.

– А я думал, что Кэш хочет преподать ему урок за то, что он подкатывает яйца к блондинке, – возражает позади меня Стив.

– Я же сказал. Ее зовут Кимберли, – я перевешиваюсь с сиденья и смотрю на друга. – И если я еще раз услышу, как ты предлагаешь ей попрыгать на члене, то я вывезу тебя в пустыню, закопаю в песок и вырву язык, чтобы им полакомились стервятники, – я произношу все будничным тоном, будто приглашаю Стива отправиться на прогулку в Бостон Паблик Гарден. – Тебе понятно?

– Более чем, – Стив пожимает плечами. – Значит, ты застолбил англичанку? Ну... То есть, Кимберли, – поспешно добавляет он.

Я сжимаю челюсти, но не показываю своей реакции.

– С чего ты решил?

– Ты попросил нас помочь вытащить ее собаку.

– Это моя собака. Я забрал Голди себе. Несколько лет он жил у Кимберли, и Голди ей доверяет. С нами он бы не отправился добровольно.

– То есть, ты не запал на Кимберли? – Стив с интересом выдвигается вперед.

– Ты же знаешь, что мне нужно от девушек, – отвечаю я, заставляя голос звучать скучающе. – Когда я получу от нее все, что она может мне дать, мой интерес пропадет.

Стив усмехается.

– Тогда перекинешь ее мне, когда закончишь с ней? Я бы не отказался послушать ее английский акцент, когда она будет просить ее трахнуть.

Я сопротивляюсь желанию броситься через сиденье и ударить засранца. Но вместо этого провожу рукой по лицу, чувствуя, как иссыкает мое терпение.

– Поговорим об этом, когда я с ней наиграюсь.

То есть, никогда.

Мне до сих пор непонятно, почему меня так тянет к Кимберли Эванс. Наверное, это можно списать на наше прошлое. Мы провели вместе большую часть детства, и на подсознательном уровне я всегда стремился ее защищать.

Между тем, Десмонд снижает скорость, продолжая держать дистанцию от машины Блаунта. Белый Volvo в очередной раз куда-то сворачивает, и через некоторое время Десмонд поворачивает следом с выключенными фарами. Кажется, мой брат знает каждую улицу и каждый гребаный поворот в мире. Я уверен, что он доберется с одного края Бостона на другой с закрытыми глазами.

– Как только мы будем на месте – расходимся. Я вырубаю водителя, а ты находишь прикуриватель и займешься им, – Десмонд переводит взгляд на меня, а потом предупреждающе смотрит на Стива. – А ты следи, чтобы Кэш кого-нибудь не прикончил.

Белый Volvo тормозит у края дороги. Брат следует его примеру и глушит мотор. Двигатель его Mercedes агрессивный, рычащий и громкий. Водителя Блаунта этот шум может насторожить.

Мы втроем выбираемся из автомобиля. Десмонд открывает багажник и берет оттуда спортивную сумку. Он достает маски вместе с кожаными перчатками, которые надевает каждый из нас. Кроме этого, мы все в черных толстовках и джинсах. Мы выглядим так, будто собираемся ограбить банк.

– Кэш, – Десмонд поворачивается в мою сторону. – Ты же будешь себя хорошо вести? Мы должны только оставить предупреждение. Никаких личных разборок.

– Ты же меня знаешь, – я пожимаю плечами. – Я всегда веду себя, как ангелочек.

– Это меня и настораживает, – возражает брат. – Пообещай мне, что не будешь психопатом.

– Это чертовски скучно, – отвечаю я и встречаюсь с тем самым взглядом, которым Десмонд потрошит своих гоночных соперников.

– Твою мать, Кэш, – рычит он. – Пообещай мне, что будешь придерживаться плана.

О, я могу с легкостью это пообещать. Никто ведь не уточнил, *какого именно* я плана должен придерживаться.

– Клянусь, – говорю я, и похоже Десмонда устраивает мой ответ.

Он кидает мне спортивную сумку, и мы крадемся вдоль края дороги к припаркованному белому Volvo. В ночной темноте его габаритные огни горят кроваво-красным.

– Сколько мест на теле ты знаешь, чтобы отключить противника одним ударом? – спрашиваю я у брата.

– Сонная артерия, – без колебаний выдает он.

– Солнечное сплетение, – добавляет Стив.

Я киваю, соглашаясь.

– Для меня лучший способ – это в висок.

Мы проходим середину пути. Отсюда я вижу, как с водительской стороны Volvo раскрывается дверь. Из машины выбирается мужчина в черном костюме. Включенные передние фары дают свет на невысокую фигуру водителя Блаунта. На вид ему примерно тридцать лет, и он неторопливым шагом прогуливается туда-сюда перед капотом машины.

– Расходимся, – Десмонд отделяется от нас.

Он быстро и незаметно пробирается через подлесок, растущий вдоль дороги. Вместе со Стивом я продолжаю в темноте подкрадываться к машине Блаунта. Согнувшись, мы подбираемся к ее задней части и опускаемся на корточки, чтобы выждать момент, когда Десмонд сделает первый ход.

В ожидании я стягиваю спортивную сумку с плеча и оставляю ее на земле. Достая оттуда свой любимый инструмент и засовываю его за спину за пояс. Параллельно прислушиваюсь, чтобы оценить обстановку.

Из-за закрытых дверей Volvo доносится приглушенная музыка, сухой голос говнюка Блаунта и всхлипывания, переходящие в плач. Я осторожно поднимаю голову и заглядываю в салон. Внутри горит свет, и от увиденного я сжимаю руки в кулаки, и кожа на костяшках натягивается.

Что, черт возьми, не так с Блаунтом?

Он, как и большинство учеников академии, происходит из богатой семьи. И он, как и большинство учеников «Дирфилда», может позволить себе модель или девушку из эскорта. В конце концов, он может снять цыпочку в ночном клубе, на вечеринке или в любом другом месте. Большие деньги дают большие возможности.

Но этот урод предпочитает накачивать школьниц дрянью, а потом пользоваться ими, превращая в секс-игрушку.

Мой взгляд задерживается на гребаном Блаунте. Отвесив пощечину девушке, он хватается ее за волосы и притягивает ее к себе между ног. Девушка отворачивается и слабо сопротивляется. На ее щеках черные разводы от туши, и я готов его убить.

Сквозь учащенный пульс я слышу звук торопливых шагов. Высунув голову из укрытия, я вижу, как Десмонд набрасывается на водителя и ударяет его. Мужчина падает на капот машины и сползает на землю. Больше он не шевелится.

– Хороший удар, – одобряю я.

Не мешкая, я распахиваю дверь со стороны заднего сиденья. Блаунт расстегивает молнию на джинсах и достает наружу огрызок, именуемым членом. При виде меня он ошеломленно замирает.

– В тебя когда-нибудь втыкали катетер? – невозмутимо спрашиваю я. – Точнее, в твой член?

– Что? – Блаунт шокировано смотрит на меня, вернее на то, что скрыто черной непроницаемой маской.

В этот момент стоящий позади меня Стив делает несколько снимков на свой телефон. Надеюсь, потом он не будет пересматривать в деталях поникший хер Блаунта.

– Ты знаешь, как охренительно больно, когда в отверстие твоего члена втыкают катетер? – интересуюсь я, и лицо Блаунта напрягается с моим каждым словом. – В тебя входит тонкая игла, но на самом деле ты чувствуешь ее, как лезвие бритвы. Чувствуешь, как оно медленно входит под кожу и дюйм за дюймом врезается в плоть битым стеклом.

– Кто вы такие? Что вам от меня надо? – Блаунт взрывается. – Вы вообще в курсе, кто я, мать вашу, такой?

Он бы наверняка продолжил вопить, как стервозная маленькая сучка. Но мой брат открывает дверцу с другой стороны и отвешивает Блаунту удар в челюсть.

– Заткнись и вылезай из машины, – громыхает он в темноте.

Я издаю раздраженный рык. Вот так всегда. Брат вечно обламывает мой кайф.

Мне хотелось увидеть все оттенки страха Блаунта. Его ужас, истерику, панику и мою любимую заключительную стадию – мольбу. Я бы посмотрел, на что Блаунт готов был пойти, чтобы его отпустили. Я бы нашел его слабое место, чтобы потом с легкостью уничтожить его.

Тем не менее, я успокаиваю себя тем, что эта ночь еще не закончилась. У меня еще будет шанс поразвлечься.

– Ты оглох? – гремит Десмонд. – Выбирайся. Живо!

Блаунт испуганно косится на Десмонда. От удара его глаза слезятся, а на губах проступает свежая кровь. Я довольно улыбаюсь. Чертовски идеально.

– Что вам от меня нужно? – спрашивает Блаунт, выбираясь из машины. – Мой отец убьет каждого из вас, если узнает...

Десмонд снова наносит удар, и Блаунт сгибается пополам.

– Вы хотите похитить меня и получить выкуп? – болезненно кричит он.

– Придурик, – едко смеется Десмонд. – Машина, в которой мы следили за тобой, стоит четыреста тысяч долларов. У нас больше денег, чем нам когда-либо понадобится. Неужели ты думаешь, что нам нужен такой кусок дерьма, вроде тебя?

Я перевожу взгляд на девушку, лежащую на сиденье. На ней синие джинсы и белый свитер в голубую полоску. Кофта порвана у основания шеи. Ее светлые волосы растрепаны, некоторые пряди прилипли к лицу. На полу валяется ее черный кожаный рюкзак.

Я наклоняюсь к ней, но она на меня никак не реагирует. Ее глаза закрыты. Я проверяю пульс на ее шее, и к счастью под моими пальцами слабо пульсирует вена.

– Пожалуйста... – шепчет девочка, и ее опущенные веки подрагивают. – Мамочка... Я хочу к маме...

Я подумываю о том, чтобы отрубить хер Блаунта прямо сейчас. Но вместо этого поворачиваюсь к Стиву и прошу его:

– Отнеси ее в нашу машину. Ей незачем здесь находиться.

Не теряя секунды, Стив наклоняется и подхватывает девушку на руки. Он уходит, а я обхожу машину, став свидетелем того, как Десмонд заставляет поднять Блаунта с земли небольшой прозрачный пакет. Внутри него таблетка, и по всей видимости эта штука выпала из кармана Блаунта. Десмонд и я никогда не прикасаемся к подобному дерьму.

– Ты дал девушке наркотики? – спрашивает Десмонд у Блаунта.

– Это обычный аспирин.

– Аспирин? – переспрашивает Десмонд и усмехается. – Тогда глотай его.

Блаунт часто мотает головой.

– Нет! Я не буду этого дела...

Десмонд вновь отвешивает ему удар в челюсть.

– Когда я говорю тебе сожрать эту таблетку, ты берешь, блядь, и жрешь эту таблетку.

Морщась от боли, Блаунт трясущимися руками отправляет в рот содержимое пакета.

– Раздевайся, – заявляет ему Десмонд.

Мои глаза загораются. Здесь становится все более и более интересно. Похоже, брат решил отступить от своего первоначального плана.

– Что? – испуганно спрашивает Блаунт.

– Снимай одежду. Сейчас же.

Блаунт тупо глядит на Десмонда, но все-таки расстегивает пуговицы на своей чертовой рубашке. Следом за ней он стаскивает с себя свитер и джинсы. Он сомневается, нужно ли снять трусы, но удар Десмонда красноречивее всякого ответа.

Вскоре Блаунт остается в носках. Я завожу руку за спину и достаю из-за ремня топор. Его блестящая рукоятка идеально вписывается в мою ладонь в кожаной перчатке. Я крепко сжимаю его и подхожу к Блаунту:

– А теперь беги, – заявляю я с пугающим хладнокровием в голосе.

– Я проглотил рогипнол*, – испуганно бормочет Блаунт. – Я могу потерять сознание.

– В этом и смысл, приятель. Ты узнаешь на собственной шкуре, каково это – когда ты не контролируешь собственное тело и жизнь, – я склоняю голову набок. – Хотя ты можешь остаться. Я давно не вонзал свой топор во что-то живое.

Я замахваюсь, и Блаунт больше не задерживается ни на секунду. Он срывается и бежит по дороге, и при виде его тощей задницы мы с Десмондом разражаемся смехом.

– Вернемся к первоначальному плану, – говорит брат. – Осталось не так много времени.

Кивнув, я забираюсь на машину и делаю первый взмах топора. Он со свистом рассекает воздух и с громким ударом вонзается в крышу автомобиля. Образуется вмятина, и я размахиваюсь, снова обрушивая топор. И еще раз. И еще. И так до тех пор, пока лезвие не рассекает кузов.

Я вытаскиваю топор и отшатываюсь, чтобы посмотреть на дыру, которую только что проделал. Неровные края металла торчат с двух сторон, как разинутая голодная пасть.

– Ты представлял его лицо, не так ли? – спрашивает Десмонд, вытаскивая из спортивной сумки баллончик с краской.

Я ничего не отвечаю ему, пока брат встряхивает баллончик и начинает писать заглавную букву «А» на капоте машины. Десмонд прав. Я бы с удовольствием разбил уродливую гребаную рожу Блаунта.

Он ошивается рядом с Кимберли, будто у него есть на это право. Он приглашает ее на свидания, будто у него есть на это право. Он прикасается к ней, будто у него есть на это право. Его мерзкие губы дотрагивались до нее, и сегодня ночью на месте девушки могла оказаться моя принцесса...

Перед глазами все темнеет. Я уничтожаю лобовое стекло двумя ударами. Осколки фейерверком взлетают в воздухе, но я не останавливаюсь. Я делаю еще несколько дыр в крыше и спрыгиваю на землю. Следующими идут фары, окна, двери, багажное отделение.

– Пора заканчивать, – Десмонд указывает на водителя, который начинает приходить в себя.

Брат швыряет журнал на изрисованный капот. Я в последний раз обрушиваю топор, и его лезвие вонзается в то, что осталось от машины Блаунтов. Его рукоять торчит в воздухе, как поднятый вверх средний палец.

Мы уходим, оставляя после себя хаос и разрушение. Для этого я и был создан. Это тот, кто я есть на самом деле.

Рогипнол – приводит к тому, что жертва чувствует себя агрессивной, растерянной, сонливой, возбужденной или сонной (со стороны выглядит как алкогольное опьянение). Рогипнол также может привести с невнятной речи, невозможности стоять или ходить.*

Глава 10 «Убирайся отсюда»

Я сижу за передней партой в ожидании первого урока и кручу между пальцев цветков белой магнолии. Мой взгляд сосредотачивается на белых лепестках, но внезапный приглушенный удар заставляет меня вздрогнуть. На мой стол падает сумка, и я поднимаю глаза, увидев перед собой Грейс. Она стоит, скрестив на груди руки, ее лицо – сплошная гримаса недовольства, и в целом она выглядит так, будто готова взорваться.

– Ты забыла вчера в ресторане.

– Спасибо, – я прочищаю горло и убираю со стола свою вещь.

– Ты не представляешь, насколько это ужасно, когда на тебя обрушивается мерзкая и холодная пена! – выпаливает Грейс. – Моя прическа и платье оказалось испорченным, я уже не говорю о моих сорванных планах! Я искала тебя среди пострадавших, но тебя нигде не было. Куда ты, черт возьми, исчезла?

Она явно драматизирует, называя пострадавшими паникующих гостей ресторана. Но отчасти я понимаю ее возмущение. Мало, кто хочет оказаться в подобной ситуации.

– Обычно, я никому не говорю об этом... – я понижаю голос. – Я испытываю охлофобию*. Я боюсь толпу. Особенно паникующую толпу. И как только прозвучала сирена, я выбежала из ресторана. Не помню, куда несли меня ноги. Я долго не могла прийти в себя и бродила по городу. В итоге я заблудилась и вернулась домой ближе к полуночи.

Да, звучит не очень правдоподобно, я знаю. Но у меня не было много времени, чтобы придумать что-то более убедительное. По крайней мере, отец купился на мою ложь. И я надеюсь, что Грейс мне тоже поверит.

Я не могу никому сказать правду. Что вчера я сбежала с Кэшем, который вывел из строя систему пожаротушения. Что вчера он помог мне вернуть Голди.

Кстати, об этом отец тоже не знает. Я ничего не говорила ему о том, что мой питомец оказался в списке животных для опытов фармкомпании. Я не уверена: причастен отец к этому делу или нет. Поэтому я молчу и не затрагиваю с отцом эту тему. Самое главное, что Голди больше ничего не угрожает, и я могу видеть его каждый день.

– Я не знала о твоей фобии, – гнев Грейс немного сбавляет обороты. – С тобой не случилось ничего страшного?

– Нет-нет, со мной все в порядке, – отвечаю я с излишним энтузиазмом.

– Хорошо, – Грейс подозрительно изгибает бровь. – Я сделаю вид, что ты не ведешь себя странно.

Она отходит и занимает место в соседнем ряду. Через несколько секунд ее окружают девушки, и они достаточно громко сокрушаются по поводу вчерашнего инцидента в ресторане. Я слышу их возмущенное бормотание и пытаюсь не думать о Кэше.

Он, как болезнь, от которой я не могу избавиться, как ни стараюсь.

Его сосредоточенный взгляд, когда он опускался передо мной.

Его требовательные губы и горячее дыхание на моем бедре.

Его зубы, покусывающие мою кожу.

Его язык, проводящий между ног, и темная комната раскололась на тысячи осколков...

Я свожу вместе бедра, чувствуя знакомое покалывающее тепло, охватившее мою нижнюю часть. Мои щеки краснеют. Не знаю, чего мне больше стыдиться: то, что я проснулась утром с зажатой рукой между ног, или то, что мне приснилось. Точнее, что я вытворяла в моем сне...

Я глубоко вздыхаю и провожу рукой по волосам. Мне не стоило подпускать Кэша близко к себе. Обещаю, что ничего подобного больше не повторится. Вопреки желанию своего тела я не должна отходить от своего первоначального плана.

Я и Кэш должны вновь стать друзьями.

И не важно, что я думаю о его губах, и о том, что они могут со мной сделать. И не важно, что жар растекается по моим венам от его присутствия. В конце концов, Кэш это Кэш. Он не встречается с девушками. И для нас обоих будет лучше, если мы будем дружить, и я не стану одной из многочисленных девиц в его послужном списке.

– Как думаешь, твой брат оценит эти трусики?

Я оборачиваюсь и вижу Грейс, болтающую со своей подругой. Ее зовут Кайли, и она показывает Грейс что-то на телефоне.

– Десмонд точно не оценит, – Грейс презрительно усмехается. – Он на тебя даже не смотрит.

– Когда-нибудь настанет тот день, и я заполучу Десмонда, – уверенно возражает Кайли.

Она стопроцентная поклонница Десмонда. Впрочем, как и половина девушек в академии. Вторая половина сходит с ума от Кэша.

– Не понимаю, почему все хотят моих братьев, – Грейс брезгливо морщится. – Они никогда не станут искать себе девушку для отношений. Они думают только о том, чтобы кого-нибудь трахнуть.

– Эй, сестренка, выбирай выражения, – надо мной раздается низкий голос. – Если бы я думал только о сексе, между нами давно бы случился инцест.

Я медленно поворачиваюсь и так же медленно поднимаю взгляд. Над моей партой высится Кэш. На нем белая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, черные брюки и распахнутый пиджак академии. Почему Кэшу всегда удается выглядеть привлекательно в своей стандартной небрежности? Это несправедливо.

И кроме того, что он здесь делает? Насколько мне известно, Кэш редко посещает первые занятия.

– Тебе она понравилась, принцесса? – спрашивает меня он, слегка склонив голову набок.

Его глаза с веером ресниц опускаются с моего лица на цветок, который я до сих пор держу в руке. Опомившись, я прячу магнолию в учебник, и Кэш улыбается. Разумеется, его забавляет моя реакция.

– Я просто использую ее, как закладку для книги, – я пожимаю плечами.

Я стараюсь придать себе равнодушный вид, словно цветок для меня ничего не значит. Меня спасает звонок, оповещающий о начале урока. Ученики в спешке влетают в класс, пока Кэш неторопливо огибает мой стол. Я не осмеливаюсь повернуть голову, чтобы проследить за ним.

Вдруг меня окружает древесно-амбровый аромат. Позади меня наклоняется Кэш, и его губы оказываются в нескольких дюймах от моего уха.

– Черт возьми, принцесса. Ты меня убиваешь.

Я смотрю прямо перед собой. Куда угодно, но только не на него. Мне кажется, если я повернусь и взгляну на Кэша, то он все узнает. Узнает, что он снится мне. Узнает, что он забрался в мою голову и не думает ее покидать.

Но это не навсегда. У меня в приоритетах наша дружба, а не мои сумасшедшие мысли и сновидения.

– Если бы я думала о твоём убийстве, я бы давно воспользовалась информацией, о которой не знает никто, кроме меня. Например, наличие аллергии, опасной для твоей жизни.

Слышу приглушенный смех и уверена, что губы Кэша растягиваются в очаровательной, но губительной улыбке.

– Твоя жестокость меня привлекает гораздо больше, чем робость. Прибереги ее, когда я приду к тебе ночью.

Что? Я оглядываюсь через плечо и вижу, как его глаза озорно блестят.

– Ты не должен этого делать! Мы заключили сделку, и я выполнила условие.

– Я помню. А еще я помню, что мы играли. И я не задал свой последний вопрос, – проносит Кэш, и его улыбка замирает на его губах. – За тобой должок, Кимберли.

Я чуть не выпрыгиваю из кожи, когда он протягивает руку и подушечкой большого пальца проводит по моим волосам. Краем глаза я замечаю разбитые костяшки на его ладони. Кэш накручивает прядь моих волос на указательный палец и нагло смотрит на меня, будто ему все равно, что за нами наблюдает весь класс.

Я пытаюсь выдержать его пристальный взгляд, но у меня ничего не выходит. Я смотрю на его губы и тут же вспоминаю о поцелуе в том месте, о котором мне стыдно думать. Я уже молчу о том, что Кэш оставил несколько засосов на внутренней стороне бедра.

Почему я вчера допустила такую глупость?

– Задай свой вопрос прямо сейчас, и мы покончим с этим, – твердо говорю я.

– Ты точно хочешь, чтобы я спросил тебя о том, что произошло вчера между нами прямо сейчас? Мне плевать, если все услышат, как прошлой ночью я был у тебя между ног, и ты сделала мой член твердым, каким он никогда не был. Но моя принцесса не такая храбрая, какой хочет казаться, не так ли?

Мои щеки горят, как сумасшедшие.

– Ты не должен говорить такие слова на людях!

– О, Кимберли, – шепчет Кэш. – Тебе не нравится, что все слышат, как ты сделала меня твердым? Или тебе не нравится, что тебе понравилось об этом услышать?

Я ненавижу Кэша за то, что он говорит, и ненавижу себя за то, что покраснела. Это только подтверждает его возмутительное заявление. Мне нужно сохранять хладнокровие и никак не реагировать на него.

– Хорошо. Пусть все слышат, как ты меня хочешь. Но я не хочу тебя. Максимум, что я могу предложить тебе – стать друзьями, как раньше, – я благодарю себя за то, что мой голос звучит ровно и уверенно.

Кэш перестает ухмыляться, пригвоздив меня к месту своим жестким взглядом. Мое сердце стучит отбойным молотком. Нормальные люди не смотрят на других так, как Кэш смотрит на меня.

– Что ты подразумеваешь под «стать друзьями как раньше»? – спрашивает он, но я не успеваю ответить, поскольку в класс заходит преподаватель английского.

– Мистер Аматорио, займите свое место.

Кэш отпускает прядь волос, которую наматывал на палец, и та свободно падает мне на плечо. Кэш бесшумно выпрямляется в полный рост и садится позади меня. Я стараюсь уловить тему урока, как входная дверь в аудиторию раскрывается. Учитель замолкает, и я перевожу взгляд на выход из класса. Мои глаза округляются от увиденного.

На пороге застывает Джек Блаунт. Точнее тот, который имеет с ним что-то общее. Я с трудом узнаю Джека из-за ужасающих следов от побоев: на правой стороне лица опухшие багровые гематомы, на левой рассеченная бровь и разбитая губа.

– Мистер Блаунт, – ошарашенно произносит преподаватель. – Что с вами?

– Ничего смертельного, – натянуто отвечает Джек и прищуривается, когда смотрит куда-то позади меня.

Я оборачиваюсь, чтобы проследить за его взглядом. Весь класс, разинув рты, неотрывно наблюдает за Джеком. Только Кэш остается полностью беспристрастным. Однако в его глазах мелькает проблеск удовольствия от увиденного.

Я опускаю взгляд на разбитые костяшки на его пальцах. Конечно, раны можно списать на драку в ночном клубе, за которую Кэша задержали на прошлой неделе. Но повреждения на коже достаточно свежие, лишь в некоторых местах покрытые корочкой.

– Мисс Эванс, я понимаю, что Шекспир для вас проигрывает с Кэшем Аматорио, но возвращайтесь к теме урока, – за моей спиной раздается укоризненный голос преподавателя.

Повернувшись, я делаю вид, что слушаю учителя. В этот момент Джек не без труда устраивается за свободной партой в соседнем ряду, пока мои мысли мечутся между собой.

Этого не может быть. Кэш не такой жестокий. Зачем ему понадобилось избивать Джека?

Мне кажется, что урок длится миллион минут. Наконец раздается долгожданный звонок. Вместе с остальными учениками я окружаю Джека, чтобы выяснить подробности вопиющего инцидента.

– Вчера вечером я возвращался после ресторана, и на меня напало трое отмороzków, – с трудом сглотнув, отвечает Джек. Видимо, его состояние не позволяет ему разговаривать безболезненно.

– О, Боже, какой ужас! – восклицает Кайли. – Ты обратился в полицию?

– Их нереально найти. Все происходило в темном проулке, и я не видел их лиц.

– Уверен? – небрежно спрашивает Кэш.

– Ничего не было видно, – повторяет Джек.

Кэш проходит мимо него с высоко поднятой головой и надменно сжатой челюстью. Его губы искажает злорадная улыбка, и я недоверчиво свожу брови. Что его веселит?

Кэш выходит из аудитории, и вскоре его примеру следуют остальные ученики. Я ожидаю, когда мы с Джеком остаемся один на один:

– Не возражаешь, если я задам тебе пару вопросов?

Джек с опаской таращится на выход из класса, словно за дверь притаился его самый худший кошмар. После этого он смотрит на меня и прерывисто вздыхает. Его глаза полны боли, и я впервые вижу его таким несчастным. Он приоткрывает рот, но тут же поджимает разбитые губы. И так несколько раз, пока не произносит:

– Прости, Кимберли, но мне нужно идти.

У него уходит много сил, чтобы выдавить из себя извиняющуюся улыбку, а затем уйти, оставляя меня наедине с моими вопросами.

Оставшийся учебный день я не могу найти Кэша. Может быть, он не имеет отношения к избиению Джека. Но я должна попытаться выяснить правду. Поэтому после занятий решаю отправиться на тренировку школьной футбольной команды, чтобы поговорить с Кэшем.

– Наконец-то конец всех мучений! Я думала, что не доживу до последнего урока, – вздыхает Кайли, когда я выхожу из класса вместе с ней и Грейс.

– Для тебя каждый урок – пытка, – бормочет Грейс и переключает внимание на меня. – Мы отправляемся после школы по магазинам. Ты с нами?

– Спасибо за приглашение, но я "пас". Мне нужно в спортзал.

– Только не говори мне, что ты из тех идиоток, которые бегают за футболистами, – Грейс закатывает глаза.

Я качаю головой.

– Я должна кое-что спросить у твоего брата.

– У Кэша? – кажется, челюсть Грейс рискует упасть на пол. – Ты же знаешь, что он полный придурок? И когда я говорю "полный придурок", я имею виду нечто большее, чем высокомерная задница или дерзкий говнюк.

– Ты говоришь о нем, будто он не твой брат, а враг.

– Так и есть, – Грейс наклоняется ко мне и тихо добавляет. – Я видела, как он смотрел на тебя на уроке английского. Кэш нехороший человек, Кимми. Во всяком случае по отношению к девушкам. Он любит морочить голову, чтобы потом растоптать сердце.

– Не волнуйся, я не собираюсь становиться очередной девушкой в его списке, – возражаю я, на что Грейс невесело усмехается.

– Потом не жалуйся, что я тебя не предупреждала, – она откидывает за спину свои прямые белые волосы и уходит вдвоем с Кайли.

Я задумчиво смотрю им вслед и спустя мгновение направляюсь по длинному коридору навстречу хлынувшей толпе учеников академии.

В моей прошлой частной школе для девочек был единственный спортзал. Он находился внутри здания, но в «Дирфилде» все гораздо масштабнее и претенциознее. Для тренировок и матчей футбольной команды возведен гигантский стадион. Он расположен примерно в десяти минутах ходьбы от главного корпуса.

Я открываю высокую и массивную деревянную дверь и выбираюсь наружу. Мои волосы развеваются на ветру, и я прибавляю шаг, следуя по узкой дорожке. Вдоль нее растут клены, сияющие золотистой и бурой листвой. На середине пути я прохожу мимо трех парней. Двое из них смеются и переходят на бег. Я слышала, что тренер футбольной команды сущий дьявол, и вероятно старшеклассники не хотят оказаться в числе опоздавших.

– Как тебе первая неделя в «Дирфилде»?

Я оборачиваюсь, чтобы убедиться, что парень обращается ко мне. Рядом со мной никого нет, и я перевожу взгляд на незнакомца.

– Откуда ты знаешь, что я новенькая?

– Я не видел тебя раньше в академии, а если бы увидел, то сразу запомнил.

Он перекидывает с одного плеча на другое спортивную сумку и протягивает руку для приветствия. На его лице дружелюбная улыбка, от которой на щеках образуются ямочки.

– Я-Тайлер, – он подмигивает мне. – И прежде, чем ты пошлешь меня, я должен сообщить, что это не способ к тебе подкатить. У меня отличная память на лица.

Я улыбаюсь ему и вынимаю из кармана пиджака руку, чтобы пожать ему ладонь.

– Кимберли.

Следующие несколько минут мы продолжаем свой путь до стадиона и болтаем на разные темы. Тайлер старается скрыть удивление, когда я интересуюсь, где находится мужская раздевалка для членов футбольной команды. Он подробно рассказывает, как найти футбольную секцию, а затем машет рукой в направлении противоположной стороны здания со стеклянной куполообразной крышей.

– Там находится спортзал, и мне нужно туда.

– Разве ты не играешь в футбол?

Тайлер смеется и качает головой.

– Мне не светит место в элите футбола. Я в команде по волейболу, – он улыбается на прощание. – Увидимся, Кимберли.

Он уходит, и я смотрю ему вслед. В отличие от большинства учеников «Дирфилда», в Тайлере нет высокомерия и заносчивости. Не хочу делать поспешных выводов, но что-то мне подсказывает, что мы можем с ним подружиться.

К описанию моего состояния не подходит слово «на грани». Я встревожена. Я взволнована. И мысленно несколько раз сбежала отсюда. Но в реальности я все еще здесь – стою напротив входа в мужскую раздевалку и жду окончания тренировки футбольной команды.

Мой отец сдерет с меня кожу, если узнает об этом.

Перед глазами до сих пор две картины: изуродованное лицо Джека и разбитые костяшки на пальцах Кэша. И я обязана выяснить правду: Кэш действительно избил Джека?

Гудит финальная сирена, и через несколько минут в коридор вваливается толпа парней. При виде меня они улюлюкают и присвистывают, и это, пожалуй, самое отвратительное и мерзкое, что я слышала. Но я заставляю себя оставаться на месте.

– Эй, новенькая, ждешь меня? – один из парней отделяется из толпы и опускает руку на шорты, сжав пах. – Я люблю сбросить напряжение после спорта.

– Отвали от нее, – его толкает в спину Стив. – Это территория Кэша.

– Засранцу всегда достаются самые лакомые куски, – парень в последний раз окидывает меня взглядом и исчезает в раздевалке.

Территория Кэша.

Неужели со стороны я выгляжу, как одна из идиоток, которые повсюду бегают за Кэшем и жаждут его внимания? В отличие от других девушек, я преследую другую цель.

Хорошая девочка. Продолжай дальше убеждать себя в этом.

Я отмахиваюсь от очередной мысли сбежать отсюда, как в коридоре появляется Кэш.

На ходу он разговаривает с мужчиной, который по всей видимости является тренером. Каштановые волосы Кэша влажные после тренировки и кажутся темнее на несколько тонов. Сильная линия подбородка и прямой, как стрела, нос в профиль. Кэш одет... Погодите, на нем только шорты. Футболка закинута на его плечо, частично скрывая ключицу. Все остальное выставлено на показ: грудные мышцы золотистого теплого цвета, рельефный пресс и...

О, нет, Кимберли. Даже не смотри туда.

Я поднимаю взгляд, сталкиваясь с синими глазами. Они устремлены на меня, и в этот раз в них нет озорства или позерства. Кэш выглядит серьезным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.